Приложение

к программе элективного курса по литературе в старшей школе **«Псалтири свет неугасимый»** (Стихотворные переложения Псалтири в русской поэзии XVIII века)

В приложении к программе элективного курса представлены:

- Давно не переиздававшиеся или публикуемые впервые стихотворные переложения псалмов русских поэтов. При этом нами использованы тексты из следующих источников:

  1.Три оды парафрастические Псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо. СПб., 1744.

  2. *Ломоносов М. В.* Собрание разных сочинений в стихах и прозе: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1751.

  3. *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами так и прозою: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 1752.

  4. *Сумароков А. П.* Стихотворения духовные. СПб., 1774.

- Материалы для учителя по темам программы

ТРИ ОДЫ ПАРАФРАСТИЧЕСКИЕ ПСАЛМА 143, СОЧИНЕННЫЕ ЧРЕЗ ТРЕХ СТИХОТВОРЦЕВ

ДЛЯ ИЗВЕСТИЯ

Будучи по случаю совокупно сих следующих од авторы, имели довольной между собой разговор о российских стихах вообще, которые ныне, после как начали исправлять их охотники, уже в совершеннейшем виде, и с приятнейшим слуху стоп падением, нежели как старые бесстопные были, производятся от писателей искусных в стихотворении. Разговор их был некоторый род спора, в рассуждении, так называемых двусложных стоп, хорея и ямба, которыми ныне составляются российские стихи.

Некоторый из них такое имел мнение, что стопа, называемая ямб, высокое сама собою имеет благородство, для того что она возносится снизу вверх, от чего всякому чувствительно слышна высокость ея и великолепие, и что, следовательно, всякий героический стих, которым обыкновенно благородная и высокая материя поется, долженствует состоять сей стопой; а хорей, с природы нежность и приятную сладость имеющий сам же собою, по его мнению, должен токмо составлять элегический род стихотворения, и другие подобные, которые нежных и мягких требуют описаний, потому что он сверху вниз упадает, чем больше показывает нежную умильность, нежели высоту и устремительное течение.

Другой прекословил сему, и предлагал, что никоторая из сих стоп сама собою не имеет как благородства, так и нежности; но что все сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение, так что ямбом состоящий стих равно изобразит сладкую нежность, когда нежные слова приберутся, и хореем высокое благородство, ежели стихотворец употребит высокие и благородные речи.

Сие он утверждал еще, что хорей и ямб коль себе ни противны диаметрально, для того что первый состоит из долгого да краткого слогов, а второй из краткого да долгого; однако сие их сопротивление друг другу не толь есть неприятельское явно, чтобы они имели между собою согласие и дружбы тайно: ибо чистым ямбом состоящий стих, ежели токмо один самый первый слог сего стиха тише обыкновенного голосом произнесется, имеет состоять в тож самое время чистым хореем; также, буде стих составлен чистым хореем, то тишайшим произношением первого его одного токмо слога, составится он совокупно чистым ямбом.

От сего он наводил, что союз между сими обеими стопами долженствует быть не заключенный, но природной и братской; а следовательно, когда ямб с природы имеет высокость, то совокупно имеет оную и хорей; когда ж в хорее также природная есть нежность, то все участие в ней по праву должно и ямбу, и для того как хорей нежен и высок, так ямб высок и нежен.

В рассуждении ж того, что первый приписывал чувствительное благородство ямбу для того, что он снизу вверх восходит, а хорею умильность для сего, что он противно ему падает, сей второй говорил, что ежели б ямб был высок и благороден, то бы хорею, как по прямой линее противному, надлежало быть несколько, или довольно низку и подлу, а не умильну и нежну; и что ежели бы восхождение снизу вверх в стопе было точным знаком благородства, а падение сверху вниз умильности, то бы гомеровой илиаде, и виргилиевой энеиде, двум найвысочайшим героическим поэмам, должно было состоять анапестами, которые также восходят снизу вверх, а не дактилями, которые падают сверху вниз, даром что их количество слогов не состоит в возвышении и понижении голоса, то есть в различии тона, но в протяжении и сокращении оного, то есть в медленном и скором произношении: ибо сия их долгота и краткость меряющаяся временем, всячески не могла быть без возвышения и унижения голоса, инако бы во всяком их стихе была токмо монотония, которой и в прозе, то есть не в пиитической речи, быть непристойно, хотя в ней и нет пения, а они стихи свои произношением пели, то есть был у них в них некоторый род музыки, но в музыке монотонии, то есть, оному звону голоса, нет места, и быть ей там без различия голоса по крайней мере двустепенного, г странно. А понеже не анапесты, но дактили употреблены от сих ве-; ликих стихотворцев; того ради, или каждая стопа ни благородна ни нежна собою, или всякая и благородна и нежна совокупно. К тому ж, как восхождение, или вознесение в ямбе не непрерывное, но токмо вскок смешенный со скоком, так в хорее нисхождение, или ниспадение не все продолжающееся, но также скок смешенный со вскоком: И так, наконец, обе сия стопы по всему себе равны, так что одна пред другою никакого преимущества иметь не может, когда оне токмо сами в себе, и к словам не приложенные, рассматриваются.

На сие третий из них же предлагал, что и он в ямбе находит высокость, благородство и жизность; а в хорее, кроме нежности, ничего не видит, и что ему в ямбических стихах речь важнейшей кажется: ибо ямб, говорил он, возвышая свой голос, несколько гордости являет, а хорей упадая, точно изображает любовническое воздыхание. И так ямб уже имеет двух защитников, и следовательно два голоса; а хорея защищает один токмо голос.

Но чтоб не показалось, что двое одного хотят преодолеть, и что притом сие дело не может решиться большинством, чтоб позволено так сказать, голосов: того ради он рассуждает, сочинить всем трем некоторый высокий род стихотворения, а именно оду, а для сего выбрать один псалом из Псалтири.

Находящему в хорее с нежностью и благородство, сочинить бы оду хореическую; а стоящим за ямбическую токмо высокость, составить одические свои стихи ямбом. Чрез сие тотчас объявится, имеет ли хорей при нежности высокость, а ямб при высокости нежность.

Защитник хорея, как прочие оба его называли, хотел было пространнее доказывать, что мнение его не в том состоит, чтоб он приписывал точно обеим стопам некоторое особливое свойство высоты, или нежности, но по положению токмо, то есть, буде ямб собою высок, то он совокупно собою ж и нежен; а буде хорей собою нежен, то он также притом и высок: ибо впрочем не признавает он, как говорил выше, ничего сего в стопах, но причитает все разности слов. Но оба прочие не хотели от него ничего больше слышать, да токмо склонили его к тому, чтоб ему сочинить оду хореическую, и выбрали себе на сие псалом сто сорок третий. Сей случай и причина сих трех од, двух ямбических, а одной хореической, которые ныне свету подаются.

Однако подаются оне свету не в таком намерении, чтоб рассмотреть и определить, которой из них лучше и великолепнее вознесся. Сие предпочтение могло бы им быть всем троим обидно: ибо праведно есть, что все трое не подлым искусством сочинили свои стихи, и что трудный и перерывный разум псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность их жара и изображений, а удивительное согласие разума здесь предлагается, и от сего заключается, что все добрые стихотворцы коль ни разно в особливости остроту своих мыслей и силу различают, однако в обществе в один пункт сходятся, и чрез то от должного себе центра не относятся. Чрез сие самое распознаются многие дряхлые на Парнас ползущие, которые и свои мысли не ясно иногда словами изображают, и стихом весьма не гладким и не правильным, и в одной материи разны, а в разности больше надлежащего друг от друга далеки, для того что не знают, где их пункт неподвижный, и цель, в которую метить.

Что ж еще до сих од писателей; их токмо всех троих имена здесь объявляются, то есть, что авторы сии именно: Александр Сумароков генерал-адъютант, Михаила Ломоносов адъюнкт при Академии, да тоя ж Академии секретарь Василей Тредиаковский. Но которой из них которую оду сочинил, о том умалчивается: знающие их свойства и дух тотчас узнают сами, которая ода чрез которого сложена.

А чтоб, напоследок, читателям не иметь некоторой неугодности в том, что, читая может быть заблагорассудится кому сличить оды с самым подлинным псалмом, а не имея вскоре Псалтири при себе, может он лишиться сего удовольствия: того ради вносится сюда оный псалом весь точно.

ПСАЛОМ 143

Благословен Господь Бог мой, научай руце мои на ополчение, персты моя на брань. Милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защититель мой, и на Него уповах, повинуяй люди моя под мя. Господи, что есть человек, яко познался еси ему? или сын человечъ, яко вменявши его? Человек суете уподобися, дние его яко сень преходят. Господи, преклони небеса и сниди, коснися горам, и воздымятся. Блесни молнию, и разженеши я, поели стрелы Твоя, и смятеши я. Поели руку Твою с высоты, и изми мя, и избави мя от вод многих, из руки сынов чужих. Их же уста глаголаша суету, и десница их, десница неправды. Боже, песнь нову воспою Тебе, по Псалтири десятиструннем пою Тебе: дающему спасение Царем, избавляющему Давида раба Своего от меча люта. Избави мя, и изми мя из руки сынов чужих: ихже уста глаголаша суету, и десница их, десница неправды. Их же сынове их яко новосаждения водруженная в юности своей, дщери их удобрены, преукрашены, яко подобие храма. Хранилища их исполнена, отрыгающая от сего в сие. Овцы их многоплодны, множащыяся во исходищих своих: волове их толсти: несть падения оплоту, ниже прохода, ниже вопля в стогнах их. Ублажиша люди, им же сия суть: блажени людие, имже Господь Бог их.

ОДА ПЕРВАЯ ЯМБИЧЕСКАЯ

Благословен Творец вселенны,
Которым днесь я ополчен!
Се руки ныне вознесенны,
И дух к победе устремлен:
Вся мысль к Тебе надежду правит;
Твоя рука меня прославит.

Защитник слабыя сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтут мой мя люди

Подверженны под скипетр мой.
Правителе бесконечна века!
Кого Ты помнишь! человека.

Его весь век как тень преходит:
Все дни его, есть суета.
Как ветер пыль в ничто преводит;
Так гибнет наша красота.
Кого Ты, Творче, вспоминаешь!
Какой Ты прах днесь прославляешь!

О Боже! рцы местам небесным,
Где Твой божественный престол,
Превыше звезд верхам безвесным,
Да приклонятся в низкий дол:
Спустись, да долы освятятся;
Коснись горам, и воздымятся.

Да сверкнут молни, гром Твой грянет,
И взыдет вихрь из земных недр;
Рази врага, и не восстанет;
Пронзи огнем ревущий ветр;
Смяти его пустивши стрелы;
И дай покой в мои пределы.

Простри с небес Свой зеницу,
Избавь мя от врагов моих;
Подай мне крепкую десницу,
Измн мя от сынов чужих:
Разрушь бунтующи народы,
И станут брань творящи вбды.

Не приклони к ухо слову:
Дела их гнусны пред Тобой.
Я воспою Тебе песнь нову,
Взнесу до облак голос мой,
И восхвалю Тя песнью шумной
В моей Псалтири многострунной.

Дающу области, державу,
И царский на главу венец,

Царем спасение и славу.
Премудрый всех судеб Творец
Ты грозного меча спасаешь,
Даешь победы, низлагаешь.

Как, грозд росою напоенный,
Сыны их в юности своей;
И дщери их преукрашенны,
Подобьем красоты церквей:
Богаты, славны благородны;
Стада овец их многоплодны.

Волы в лугах благоуханных,
Во множестве сладчайших трав,
Спокоясь от трудов им данных,
И весь их скот пасомый здрав:
Нет вопля, слез, и нет печали,
Которы б их не миновали.

О! вы счастливые народы,
Имущи таковую часть!
Послушны вам земля и вбды,
Над всем, что зрите, ваша власть:
Живущие ж по Творчей воле,
Ище сто крат щастливы боле.

ОДА ВТОРАЯ ХОРЕИЧЕСКАЯ

Крепкий, чудный, бесконечный,
Поли хвалы, преславный весь,
Боже! Ты един превечный,
Сый Господе вчера и днесь:
Непостижный, неизменный,
Совершенств пресовершенный,
Неприступна окружен
Сам величества лучами,
И огньпальных слуг зарями,
О! Будь ввек благословен.

Кто бы толь предивно руки
Без Тебя мне ополчил?

Кто бы пращу, а не луки
В брань направить научил?
Ей бы меч извлек я тщетно,
Ни копьем сразил бы метно,
Буде б Ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя,
Слабость мышцы укрепляя,
Сил Господе, и правды Бог.

Ныне круг земный да знает
Милость всю ко мне Его;
Дух мой твердо уповает
На заступника сего:
Он защитник, покровитель,
Он прибежище, хранитель.
Повинуя род людей,
Дал Он крайно мне владети,
Дал правительство имети,
Чтоб народ прославить сей.

Но смотря мою на подлость,
И на то, что бедн и мал,
Прочих видя верх и годность,
Что ж их жребий не избрал,
Вышнего судьбе дивлюся,
Так глася, в себе стыжуся:
Боже! кто я нища тварь?
От кого ж и порожденный?
Пастухом определенный!
Как? О! как могу быть Царь?

Толь ничтожну, а познался!
Червя точно, а возвел!
Благ и щедр мне показался!
И по сердцу изобрел!
Лучше ль добрых и великих?
Лучше ль я мужей толиких?
Ах! и всяк из смертных нас,
Гниль и прах есть пред Тобою;
Жизнь его тень с суетою,
Дни и ста лет, токмо час.

Ей! злых всяко истребляешь:
Преклони же звездный свод,
И коль яро гром катаешь
Осмотри, снисшед, злой плод;
Лишь коснись горам, вздымятся;
Лишь пролей гнев, убоятся;
Грозну молнию блесни,
Тотчас сонм их разженеши,
Тучей бурных стрел смятеши:
Возъярись, не укосни.

На защиту мне смиренну
Руку Сам простри с высот,
От врагов же толь презренну,
По великости щедрот,
Даруй способ, и избавлюсь;
Вознеси рог, и прославлюсь:
Род чужих, как буйн вод шум,
Быстро с воплем набегает,
Немощь он мою ругает,
И приемлет в баснь и глум.

Так языком и устами
Сей злословит в суете;
Злый скрежещет и зубами,
Слепо зрясь на высоте;
Смело множеством гордится;
Храбро воружен красится:
А десница хищных сих,
Есть десница неправдива;
Душ их скверность нечестива:
Тем спаси мя от таких.

Боже! воспою песнь нову,
Ввеке Тебя благодаря,
Арфу се держу готову,
Звон внуши и глас Царя:
Десять струн на ней звенящих,
Стройно и красно гласящих
Славу Спаса всех царей:

Спаса и рабу Давиду,
Смертну страждущу обиду
Лютых от меча людей.

Преклонись еще мольбою,
Ту к Тебе теперь лию,
Сокрушен пад ниц главою,
Перси, зри, мои бию:
О! чужих мя от полчища,
Сам избави скоро нища.
Резв язык их суета,
В праву руку к ним вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

Сии славу полагают
Токмо в множестве богатств,
Дух свой гордо напыщают
Велелепных от изрядств:
Все красуются сынами,
Больше как весна цветами;
Дщерей всех прекрасных зрят,
В злате, нежно намащенных,
Толь нет храмов испещренных:
Тем о Вышнем не радят.

Их сокровище обильно,
Недостатка нет при нем,
Льет довольство всюду сильно,
А избыток есть во всем:
Овцы в поле многоплодны,
И волов стада породны;
Их оградам нельзя пасть;
Татю вкрасться в те не можно;
Все там тихо, осторожно;
Не страшит путей напасть.

Вас, толь счастием цветущих,
Всяк излишно здесь блажит;
Мал чтит и велик идущих,
Уступая ж путь, дрожит:

О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тот народ блажен,
Бог с которым пребывает;
И которой Вечна знает,
Сей есть всем преукрашен.

ОДА ТРЕТЬЯ ЯМБИЧЕСКАЯ

Благословен Господе мой
Бог Мою десницу укрёпивый,
И персты в брани научивый,
Сотрешь врагов взнесенный рог

Заступник и спаситель мой,
Покров и милость и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О Боже! что есть человек?
Что Ты ему Себя являешь,
От твари больша быть вменяешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, нощь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как ночная тень.

Склони, Владыка, небеса,
Коснись горам, и воздымятся;
Пусть паки на земле явятся
Твои ужасны чудеса.

И молнию Твою блесни,
Бросай от стран гремящих стрелы;
Рассыпь врагов Твоих пределы,
Как плевы бурей разжени.

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой;

Ты с тверди длань простри высокой,
Избавь меня от многих вод.

Вещает ложь язык врагов,
Уста обильны суетою,
Десница их полна враждою,
Скрывают в сердце лесть и ков.

Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно:
Я в десять струн Тебе согласно
Псалмы и песни приношу.

Тебе спасителю царей
Давида в храбрости прославльшу,
От лютого меча избавльшу,
Что враг взмахнул рукой своей.

Избавь меня от хищных рук,
И от чужих народов власти:
И речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук.

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают;
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.

Цела обширность крепких стен
Везде столпами утвержденных;
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светляе веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,

Которым Вышний Сам покров.

М. В. ЛОМОНОСОВ
Из «Од духовных»

Преложение псалма I

1
Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать,
И с тем кто в пагубу приводит
В едином месте заседать.

2
Но мысль и волю подвергает
Закону Божию во всем,
И точно оный наблюдает
Во всем течении своем.

3
Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

4
Он узрит следствия поспешны
В незлобливых своих делах,
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

5
И таке злодеи не восстанут
Пред Вышняго Творца на суд:
И праведны не воспомянут
В своем соборе их отнюд.

6
Господь на праведных взирает,
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает,
И злобный путь их погубит.

Преложение псалма XIV

1
Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?

Кто с Тобою населяет
Верх священный горних мест?
2
Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит,
И нелестным сердцем точно,
Как языком говорит.
3
Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.
4
Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов,
И пред ним душою правых,
Держится присяжных слов.
5
В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот во веки не падет.

Преложение псалма XXVI
1
Господь, Спаситель мне и свет:
Кого я убоюся?
Господь сам жизнь мою блюдет,
Кого я устрашуся?
2
Чтоб в злобе плоть мою пожрать
Противны устремились.
Но злой навет хотя начать,
Упадши, сокрушились.
3
Хоть полк против меня восстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь.
4
Я только от Творца прошу,

Чтоб в храм Его вселиться;
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.
5
В селении своем покрыл
Меня Он в день печали,
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.
6
Возвысил Он мою главу
Над всех врагов ужасных:
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.
7
Услыши, Господи, мой глас,
Когда к Тебе взываю,
И сохрани на всякой час;
К Тебе я прибегаю.
8
Я к Свету Твоего лица
Вперяю взор душевный,
И от всещедрого Творца
Приемлю луч вседневный.
9
От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред Тебя мольба,
И в гневе укротися.
10
Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве;
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.
11
Настави, господи, на путь
Святым Твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.
12
Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,

Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных.
13
Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты,
И не лишиться николи
Владычния доброты.
14
Ты, сердце, духом укрепись,
О Господе мужайся,
И бедствием не колеблись,
На Бога полагайся.

Преложение псалма XXXIV
1
Сули обидящих, Зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди покровитель,
Заступник и спаситель мой.
2
На глас мой ныне преклонися.
Прими оружие и щит,
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.
3
Сдержи стремление гонящих,
Ударив пламенным мечом.
Уверь в напастях обстоящих,
Что я в покрытии Твоем.
4
Гонители да постыдятся,
Что ищут зла души моей,
И с срамом вспять да возвратятся,
Смутившись в памяти своей.
5
Да сильный гнев Твой злых восхитит,
Как бурным вихрем легкий прах.
И Ангел Твой да не защитит
Бегущих, умножая страх.
6
Да помрачится путь их мглою,

Да будет ползок и разрыт,
И Ангел мстящею рукою
Их, вслед гоня, да устрашит.
7
Сие гонение ужасно
Да оскорбит за злобу их,
Что на меня ярясь напрасно,
Скрывали мрежу злоб своих.
8
Глубокий, мрачный ров злодею
В пути да будет сокровен;
Да будет сетию своею,
Что мне поставил, уловлен.
9
Душа моя возвеселится
О покровителе своем,
И радостию ободрится
О заступлении Твоем.
10
С Тобою кто себя сравняет?
Все кости, Боже мой, гласят:
Твоя власть сильных сокрушает,
Что бедных растерзать хотят.
11
Уже свидетели восстали
Неправедные на меня,
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.
12
Наносят мне вражду и злобу,
Чтоб тем мне за добро воздать,
И бедной дух мой и утробу
Досадой и тоской терзать.
13
Но как они ослабевали,
Тогда постом я и мольбой
Смирял себя, дабы восстали
Противники мои в покой.
14
Как брату своему я тщился,
Как ближним, так им угождать,

И сетуя об них крушился,
И слез своих не мог сдержать.
15
Они, однако, веселятся.
Как видят близ мою напасть,
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть.
16
Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем льстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зубами на меня скрипя.
17
Доколе, Господи, без гневу
На злость их будешь Ты взирать?
Не дай, не дай Ты Львову чреву
Живот мой до конца пожрать!
18
Во храме возвещу великом
Преславную хвалу Твою,
Веселым гласом и языком
При тьмах народа воспою,
19
Не дай врагам возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай презорством возгордиться
И помизанием очей.
20
Хоть мирные слова вещали
И ласков вид казали вне;
Но в сердце злобу умышляли
И сети соплетали мне.
21
Мне пагубы, конечно, чая,
Все купно стали восклицать;
Смеяться, челюсть разширяя:
Нам радостно на то взирать!
22
Ты видел, Господи, их мерзость;
Отмсти и злобным не стерпи;
Отмсти бессовестную дерзость,

И от меня не отступи.
23
Восстали, Господи, Зиждитель,
Взойди на Твой святый престол,
И буди нашей при решитель,
Спаси от нестерпимых зол.
24
Подвигнись правдою святою,
Суди нас, Господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди, и мне не снисходи.
25
Не дай им в злобе похвалиться,
И мне в ругательство сказать:
О как в нас сердце веселится,
Что мы могли его пожрать!
26
Посрамленны да возмятутся,
Что ради злым моим бедам;
И сверх главы да облекутся
Мои противны, в стыд и в срам.
27
Но тем дай вечную награду,
Что оправдать меня хотят;
Взирая на мою отраду,
Велик Господь наш, говорят.
28
Язык мой правде поучится,
И истине святой Твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез все число мне данных дней.

Преложение псалма LXX
1
В Тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
К Тебе и ныне прибегаю,
Да в век спасуся от студа.
2
Святою правдою Твоею
Избавь меня от злобных рук,

Склонись молитвою моею,
И сокруши коварных лук.
3
Поборник мне и Бог мой буди
Против стремящихся врагов,
И бренной сей и тленной груди
Стена, защита и покров.
4
Спаси меня от грешных власти,
И преступивших Твой закон,
Не дай мне в челюсти их впасти,
Зияющи со всех сторон.
5
В терпении моем, Зиждитель,
Ты был от самых юных дней,
Помощник мой и покровитель,
Пристанище души моей.
6
От чрева материя Тобою
И от утробы укреплен,
Тебя превозношу хвалою,
Усердием к Тебе возжен.
7
Враги мои чудясь смеются,
Что я кругом объят бедой;
Однако мысли не мятутся,
Когда Господь заступник мой.
8
Превозносить Твою державу,
И воспевать на всякой час
Великолепие и славу,
От уст да устремится глас.
9
Во время старости глубокой,
О Боже мой! Не отступи;
Но крепкой мышцей и высокой
Увядши члены укрепи.
10
Враги, которые всечасно
Погибели моей хотят,
Уже о мне единогласно

между собою говорят:
11
Погоним, Бог его оставил;
Кого он может преклонить?
От нас бы кто его избавил?
Теперь пора его губить.
12
О Боже мой! Не удалися;
Покрой меня рукой Своей,
И в помощь ниспослать потщися
Объятой злом душе моей.
13
Да в вечном сраме погрузятся
Которые мне ищут зла;
Да на главу их обратятся
Коварства, плевы и хула.
14
Надежду крепку несомненно
В Тебе едином положу,
И прославляя беспременно,
В псалмах и песнях возглашу.
15
От уст моих распространится
О истине Твоей хвала,
Благодеяний слух промчится,
Тобой мне бывших без числа.
16
Твою я крепость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять;
И что Ты мой был покровитель,
Во веки буду поминать.
17
Тобою, Боже, я наставлен
Хвалить Тебя от юных лет,
И ныне буди препрославлен
Чрез весь Тобой созданный свет.
18
Доколе дряхлость обращаться
Не возбранит моим устам,
Твоя в них крепость прославляться
Грядущим будет всем родам.

19
Твоя держава возвестится,
И правда, мною до небес;
О Боже! Кто Тебе сравнится
Великим множеством чудес?
20
Ты в пропасти моря поставил,
Чтоб я свою погибель зрел;
Но скоро обратясь избавил
И от глубоких бездн возвел.
21
Щедроту Ты свою прославил,
Меня утешить восхотел,
И скоро, обратясь, избавил,
И от глубоких бездн возвел.
22
Среди народа велегласно
Поведаю хвалу Твою,
И на струнах моих всечасно
Твои щедроты воспою.
23
Уста мои возвеселятся,
Когда возвышу голос мой,
И купно чувства насладятся
Души спасенные Тобой.
24
Еще язык мой поучится
Твои хвалити праврты,
Коварных сила постыдится,
Которы ищут мне беды.

Преложение псалма CXLV
1
Хвалу Всевышнему Владыке
Потщися, дух мой, воссылать:
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дыхать.
2
Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,

И нет спасения от них.
3
Когда с душою разлучатся,
И тленна плоть их в прах падет.
Высоки мысли разрушатся,
И гордость их и власть минет.
4
Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему во всех делах,
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах.
5
Нещетно многими звездами
Наполнившего высоту,
И непостижными делами
Земли и моря широту.
6
Творящего на сильных нищу
По истине в обидах суд,
Дающего голодным пищу,
Когда к Нему возопиют.
7
Господь оковы разрешает,
И умудряет Он слепцов,
Господь упадших возвышает
И любит праведных рабов.
8
Господь пришельцев сохраняет,
И вдов приемлет и сирот;
Он дерзкий грешных путь скончает,
В Сионе будет в род и род.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ
Из «Од божественных»

Парафразис псалма 1
Блажен Муж

Муж поистинне блажен,

Кой к совету нечестивых

Не был всяко приближен

Шествием, для мнений льстивых.

Кой ниже когда познал
беззаконных путь лукавый;
И на том отнюдь не стал
Зная, коль есть он неправый.

Кой не сел и на престол
Пагубников гордо злобных,
Ни на нем судя пробол
Как чужих, так и утробных.

Но закону отдает
Послушание Господню;
И его всегда поет,
Всю кленя власть преисподню.

Сей, как древо при водах,
Процветает насажденными;
Веселится, что в плодах
Правоты есть угобженный.

Как на томже древе лист
Чрез все время зеленеет;
Так весь век в делах он чист,
Что ни начнет, преуспеет.

Все не так с грешащим, кой
Ни стыда, ни Вышня знает:
Он такие мзды в день свой
Никогда не получает.

Он презрен так равно есть,
Как валяяйся прах в доле,
Что метя вихрь бурный несть
Может от земли по воле.

Тем то всяк из таковых

В милостивый суд не встанет;
И ниже в числе святых
В вечной радости предстанет.

Праведных стези весть Бог,
И всегда их Сам защитит;
Путь же злых хотя и мног,
Грозна гибель весь похитит.

Парафразис псалма 6
Господи да не яростию Твоею
О! не ярости во время,
Господи, мя обличи;
Зол же всех за тяжко бремя,
И за многое тех племя,
Не во гневе к казни повлачи.
Но помилуй, попремногу
Изнемогшаго меня:
Кости страждут муку срогу,
Покажи к цельбе дорогу,
Боже! Вопию стеня.

Дух в смятении мой зеленом;
Сокрушаюсь повсегда:
Ты ж, о мне толь неисцельном,
В милосерди беспредельном,
Воспомянешь ли когда?

Господи мой! Обратися;
И, по благости твоей,
Сам отъять от тьмы потщися
Душу бедну, и явися
Преклонен к мольбе моей.

Нет по смерти такового,
О Тебе б кто вспомнить мог;
Возблагодарить за благо,
И за все, что в жизни драго
Кой во гробе есть предлог?

Обессилел воздыхаяй!

Есмь еще на всяку нощь
Ложе плачем умываяй,
И слезами напаяяй,
Отчужден всего и тощь.

Очи с плача помутились;
От врагов весь сокрушен
Пагубно в себе озлились,
К ненависти уклонились;
Я надежды уж лишен.

Отступите от меня лукавцы:
Богом вопль услышан мой.
Отступите все тщеславцы,
И вы лжи за правду давцы,
Злобе преданны самой.

Бог уж от меня молитву
Милостивым слухом внял;
Презираю вашу битву,
Лесных и сетей ловитву:
Бог моление приял.

Стыд, смятение в презоре
Всем да придет здесь врагам!
Стыд, с бесчестием тем в гбре.
Как не обратятся вскоре!
Их сломление рогам!

Парафразис псалма 18
Небеса поведают славу Божию
Глупа мудрость! О!
И ты В смысле разум ослеплённый!
Ваш доколе погубленный
Вне рассудок правоты? Как!
От тварей, говорите,
Вы Творца вещей не зрите?

Всяк на небеса воззри:
Кто б возмог, кто, разве Бога,
Синий тот свод без прилога

Распестрить толь? Ей! Без при,
Божия всемощна сила,
И премудрость украсила.

День всегда плывет за днем;
Нощь же нбщи пременяет;
Волю благу чин являет,
И строение о всем;
Нет сомнения ни мало:
То от Тверди твердо стало.

С нашим в ней несходен глас;
Слышать звоны невозможно:
Строем всех светил неложно
Дольных уверяет нас:
Вся земля внушает слово,
Мира всем концам не ново.

Рек Господь, и подает
Солнце светлость всю златое;
Так жених лице младое
Кажет, как оно встает,
Всем лучи лия собою,
Согревая теплотою.

Красный бег его толь скор,
Что не можно исполину,
Как течет вверх и в долину,
Быть сравненну с оным в спор,
Коль к пределу ни стремится,
Да за труд венцем почтится.

Востока шествуя с границ
В вечер в западе с зарями,
Преконожным за морями,
Да подаст своих зениц
Тот же луч благотворящий,
Непрестанно в службе бдящий.

Но его свет, красота,
Толь к себе не привращают,

И ни столько просвещают
Взор людский, коль высота
Божия Закона точно,
Чтоб пожить всем непорочно.

Завещание того
Без погрешностей, и верно;
Мудрый ум нелицемерно
Малым детям от него:
То Свет моего есть ока!
Радость сердцу то глуббка!

Господи! Страх Твой есть свят,
Пребывает он всевечно;
Кривдами нигде конечно
Суд твой, Боже, не запят;
Он неумолим дарами;
Лжи не потемней играми.

Злато, ни камык толь драг!
Мед, и сот не толь есть сладок!
Не отъимете мзды припадок,
Как тебе не буду враг,
Заповедей тех презором,
И премногих скверн зазором.

Кто грехам число мог знать?
Я от тайных преступлений,
И чужих от озлоблений,
Очищен, молю, предстать:
Да не буду гордых лика;
Убегу греха велика.

Боже! О! Да все сие
Исповем Тебе во славу;
И да научатся праву
Мысль, и сердце все мое!
Есмь Твоя тварь, есмь проситель:
Ты мне помощь и спаситель.

Парафразис псалма 42

Суди ми Боже, и рассуди прю мою

Боже! Пря моя безвинна:
Ту судить благоволи;
Правды дело убели:
От народа ж пребесчинна,
И от злобных человек,
Немощь, что во мне тростинна,
Восхощи исторгнуть в век.

Ты един мой щит, и сила;
Ты и крепость мне един:
Что ж, высот твоих с средин,
Милость мя не заградила?
Все ль в печали б я стенал?
Та всегдаль меня б томила,
Мне б коль враг ни досаждал?

Но да послется Тобою
Истинны и мира свет,
Сим я свобождусь от бед:
Как пребудет он со мною;
То в селение Твое
Приведет меня собою,
Сердце веселя мое.

Вниду к Твоему престолу,
И в олтарь священный Твой,
Проявлен в горе святой;
В нем паду пред тем ниц долу;
Ты желаниям конец,
Исполнение изволу,
И любви моей венец.

В гуслях проповем играя,
Что Ты Бог непобедим,
Что Ты правым всем любим,
И что радость всеблагая:
Боже! Боже мой, и сил!
Отжени далеко злая,
И Тебе да буду мил.

О! Душа, почто в печали
Сокрушается еще?
В страхе и от враг вотще?
Горести что б все престали:
Вся тебе надежда Бог;
Коль враги б ни восставали,
Спас мой истребит налог.

Парафразис псалма
Что хвалишися во злобе, сильнее
Что во злобе, Сильный, похваляешься всегда?
В беззаконии вседневно?
Твой язык и помысл без лукавства никогда:
Лыщение, втай небезгневно,
Ты как бритву изострил;
Злобу паче возлюбил,
Нежель мирну благостыню,
И неправду неж святыню;
Все слова твои, беда;
От злоречий же плачевно.

Бог, по сей причине, разрушит тебя вконец;
Он и яро толь восторгнет
От утех сладчайших, и ласкающих сердец,
Что ни глаз так скоро мбргнет:
Тем себя не удовлйт;
Но тотчас же преселит
От жилищ твоих природных:
Так, едина из негодных,
Корень от земли твой, льстец,
Весь исчезнет, дух не корвнет.

Праведны то узрят, придут все и сами в страх;
Но потом те засмеются,
И между собою скажут человек сей, прах,
Казни коему даются,
Бога в помощь не хотел,
Тем что многое имел
С велелепием богатство,
И превозмогал за братство:
Он был добрым главный враг;

Се тщеты с ним расстаются!

Я твой раб, о! Боже, масличина как с плодом,
При Твоем священном храме
Неотступно буду, уповаяй не с стыдом
На щедроты, и не в сраме:
Исповедем Тебя во век
Тварь Твоя и человек;
Что Твое я имя знаю,
Благо то, по Аврааме,
Любящим Святым Твой Дом.

Парафразис псалма 78
Боже, приидоша языцы в достояние
Се языки ворвались, Боже, во
Твое наследство;
И, святому храму в бедство,
С осквернением внеслись:
Град, и все его пространство,
Обратили без следов
Во хранилище плодов,
Все расхитивши убранство.

Трупы наповал лежат,
Всюду слуг Твоих толь верных,
Преданы от тех прескверных
Птицам, криком что глушат:
И тела мужей удобных
В снедь повержены зверям,
Воющим в страх по зорям;
Плоти Всех и Преподобных.

Кровь их льется по пути
Не рекою, но потопом,
И весьма ужасным сопом,
Так что негде и пройти:
Но толико милосердна,
В землю б их кому погребсть,
Чтоб от алчности унесть,
Нет и толь уже усердна.

Злоключение сие
Нам, сосед презлобный видя,
И к тому еще обидя,
Тешит сердце тем свое:
Стали мы и всем окольным
В поругание и смех;
Наш сей горестный успех
Сладостно своебольным.

Но доколе Ты на нас
Будешь, Господи, во гневе,
И не призришь бедных в реве,
Наш услышавши сей глас? О!
Доколе толь палится Рвение
Твое огнем, Нощию, и всяким днем,
И ниже не утолится?

На языки гнев пролей
Кои Тя весьма не знают,
От Тебя прочь отбегают
В непотребности своей;
И на те пространны царства,
Коими не призван Ты,
И ни имя с слепоты,
Равно и с неблагодарства.

На таких употреби
Всю Твою жестокость;
Сам безумную высокость
До конца в них потреби:
Сердце их всегда готово
Грады наши пустошить,
И вконец все разрушить
Без пощады, и сурово.

Первых беззаконий днесь
Помняй, Господи, не буди;
Ныне токмо не забуди,
Что уж гибнет род наш весь:
Скоро да Твои щедроты
Предварят все наше зло;

Обнищали мы зело,
Чужда Твоея доброты.

Боже! помощь сотвори,
Ради Твоея Державы;
Величайшия ж для славы
Наши все грехи сотри,
Чтоб языки не сказали:
Где Бог сильный оных есть?
И да зрим за ту кровь месть,
Как Твоих слуг здесь пронзали.

Да от узников к Тебе
Воздыхание приидет;
Мышца к нам Твоя да снидет
От величия в себе,
Всех спасти чад изможденных:
Вопиющих вьявь, и тай:
Боже! Боже не предай,
Люто насмерть осужденных.

В седмерицу заплати
Оным гордым всем соседам,
В коих к нам, и к нашим дедам,
не было толико льсти,
Коль Тебе злых поношений:
Славно низложи их в дол;
Недро их исполни зол,
И повсюдных к ним гнушений.

Нас избавь; мы все Твои,
Твоея и паствы овцы:
Мы всегдашно добросло́вцы
В дальни возвестим край,
И впредь будущий веки,
Сквозь языческую мглу, Д
олжную Тебе хвалу,
Как всеверны человеки.

Парафразис псалма 111
Блажен муж, бояйся Господа

Счаслив! Бога кто боится:
Заповедей всяко не преступит он того;
Род его благословится;
Сильно будет семя на земле, и сверх всего;
Славен и богат весь дом;
Правда вечна в нем самом.

Он как свет сияет правым;
Милость и щедрота справедлива в нем везде;
Строит сердцем нелукавым,
Но и откровенным речи и дела в суде;
Он есть непоколебим;
Прямо добрыми любим.

Память будет бесконечна,
И велико имя во вселенной процветет;
Добродетель в нем сердечна
В светлость и блаженство беспорочного введет:
Страха нет от слуха зла;
Не язвит его хула.
Уповает он на Бога;
Любит чистым сердцем, и взывать его готов;
Крепость в нем о Вышнем многа,
И не устрашится хитростей и лестных слов,
Презрит он врагов своих,
Токмо что воззрит на них.

Он дает, и расточает;
На него убогим твердая надежда есть:
Их отнюдь не забывает.
Тем и вознесется в силу, и в высоку честь:
Ни хвалим есть толь никто,
Ни хвалить достойней что.

Грешник так его узревши,
Примет то в досаду, и впадет в великий гнев;
Поскрежещет побледневши,
И остервенится в зельной ярости, как лев:
Грешнику коль ни желать;
Но ему в век погибать.

Парафразис псалма 136

На реках Вавилонских

Седши купно на брегах рек мы
Вавилонских, Все точили слезный ток;
И воспоминали там о градах
Сионских, Зря наш нестерпимый рок.

Там обесили среди вербных древ органы
Пленшии ж просили нас,
Коль ни сокрушались мы в горести, раздраны
Песнь вознесть Господню в глас.

Как бы мы в земле чужой оную воспех...,
Как в Поганских бы краях,
Коль предивен Бог наш есть, прославлять име.
Как и плача во струях?

Если, Иерусалим, я тебя забуду;
Да забвен я от руки
Благ спасительных твоих сам во веки буду,
Все да идет мне впреки.

Да прилпнет же и язык весь к моей гортани,
Как Тебя не вспомяну;
Иль не будешь в мысли все, да приму казнь в брани:
Вне веселий да гонзну.

Но Эдомский днесь народ вспомни, о! мой Боже,
Как на Иерусалим
Грозным воплем он рыкал всякого льва строже;
был ничем не умолим.

В ярости он повторял: Ну-ну, обваляйте
С оснований самых град;
А живущих всех мечем люто истребляйте,
Должны пасть округу в смрад.

Тыж, о! Вавилонска дщерь, жди зла в окаянстве:
Счастлив! Кто тебе отмстит
За погибель смертну нам от тебя в наянстве,
И ниже тебя простит.

Счастлив! В место кто твое метнет зельный пламень;
И твою кровь пролиет;
Иль младенцев, ухватив, о жестокий камень
Головою разбиет.

Парафразис псалма 139
Изми мя Господи от человека лукава
Господи! Изми меня
От лукава человека;
И да будеши броня
Защищающа до века,
Но всегда готовый сам
К избавлению от мужа,
В коем есть мутна как лужа,
Вся неправда по словам,
Делом море, вечна стужа.

В сердце их всегдашня лесть,
Токмо ту и помышляют;
Не известно, что за в месть,
Брани всяк день ополчают:
Весь язык их изощрен
На злоречие как бритва;
В их руках сеть и ловитва;
След к дну злобы приведен;
Яд из уст течет и битва.

Сохрани, о! Боже мой,
Сам меня от рук грешаща,
И людей от рода, кой
Не таит себя дышаща
Кривдою и крайним злом:
Сих мысль непрестанна,
Да меня в пути сем странна
Запнут обошед кругом,
И да падша зрят попранна.

В гордости мне скрыли сеть;
И с силбм уж вервь простерли,
Ноги б им мои задеть,

Иль чтоб выю мне тем стерли:
Всюду ими при стезях
Расположены соблазны,
И везде обманы разны;
На земле и на морях,
Мне беды лежат непразны.

Боже! Я к Тебе вещал:
Ты мой Бог, Ты мне Зиждитель;
Ты всегда не запрещал,
Я ж и есмь всегда молитель:
Господи! О! Боже сил,
Ты от крепости в твердыне,
И в превелией святыне,
Сам главу в брань осенил,
По Твоей мне благостыне.

Так и ныне не предай
В грешничи меня здесь руки;
Но желание познай,
И спаси от оных муки:
Те взвели; и се беда!
Не остави бедна суща,
Непрестанно вопиюща
От великого труда;
Не взнеслась бы часть ков шьюща.

В них скружившись голова
Да повергнет их на землю;
Да покроются слова
Тем стыдом, кой я приемлю:
Угли огненны падут
Во Твоем на них изволе;
Больше не пребудут в холе,
Как напасти нападут:
Низложи, и будут в доле.

Муж злоречив на земле
Не возможет быть исправен;
Муж живяй неправды в зле,
Пагубному тлену равен;

Знаю, Боже, сотворишь
Суд и месть Ты за бессильных,
Правых же, для хвал умильных,
Пред лице Твое вселишь,
В радости блаженств обильных.

А. П. Сумароков
Из «Стихотворений духовных»

Из 19 псалма

Услышит тя господь во дни твоей печали
Дабы потоки слез очей не омочали:
А мы восхвалимся тобой,
Врагов поверженных мы видя пред собой.
Тебе всевышний днесь во брани помогает:
Врагов разит и низлагает,
Оканчивая бой,
Всесильной крепостью десницы:
Падут их воины, кони и колесницы,
Низломится их рог,
А нам надежда Бог.

Из 22 псалма

От зла храня,
Как агнца так господь пасет меня.
Гуляю чистыми лугами,
И тучную траву я вижу под ногами:
Из свежих я источников пию,
И с свежей я водой весельем дух пою.
Кривых путей освобождаюсь,
И с именем его нигде не заблуждаюсь:
Хотя хожу,
В пустыне,
Опасности не нахожу;
Не ужасаюся во мрачной я долине:
Не жду я участи иной;
Мой Бог везде со мной:
И ничего не ужасаюсь.
Везде твоим жезлом и палицей спасаюсь,
Трапезу питие имею от тебя,
Главу мою твоим елеем умащаю.
Живу на свете сем всем сердцем тя любя,

И милости твои всемирно возвещаю.

Из 23 псалма

Господень весь сей круг земной
Моря и суша, вся вселенна,
Котора временной страной,
К жилищу нам определенна.

Он землю твердо основал,
На безднах и морской пучине,
И во жилище нам давал,
В сем виде в коем видим ныне.

Но кто на гору ту взойдет,
Котору вышний освящает?
Кого господь туда взведет?
Кому там место обещает?

Кто сердцем чист и чист душей,
И кто руками неповинен,
Кто клятвы держится своей,
Не льстив, не горд и не злочинен.

Кто сердце господу вручил,
Тому на гору ту дорога:
Благословенье получил
Муж той от господа и Бога.

Ерусалим так Бога чтит,
И о творце воспоминает:
Язычество во мраке спит
И мира господа не знает.

Возвысите свои врата,
Мечите в них цветы и травы!
Сих врат раздайся широта;
В них внидет царь огромной славы!

Но кто войдет в сии врата,
И коея сей царь державы?
Всея вселенной красота,

Есть той сей царь огромной славы.

Возвысите свои врата,
Мечите в них цветы и травы!
Сих врат раздайся широта;
В них внидет царь огромной славы!

Но кто войдет в сии врата,
И коея сей царь державы?
Он сил и власти высота,
Всесильный Саваоф царь славы.

Из 25 псалма
Суди мя господи, я беден маломочен;
Но прав и беспорочен,
И сердцем тя любя,
Во всех моих делах надеюсь на тебя!

О, Боже, испытай мой ум и всю утробу!
Обрящешь ли ты злобу?
Прямым путем хожу,
И только в истинне блаженство нахожу.

Со беззаконными беседы не имею,
Лукавить не умею,
Их сонмища бегу,
И с нечестивыми ужиться не могу.

Невинностью свои я руки омываю,
Злодеем не бываю,
Не алчу я чужим,
Не жажду кровию, во правде недвижим.

Я лихвы не беру, мздоимство ненавижу,
Не ссорюсь, не обижу:
Я лжи не говорю,
И ближнего люблю, творца благодарю.

Из 26 псалма
Господь спаситель мой и свет;
Кого бояться буду?

Господь хранит меня; так нет
Мне страха ниоткуду.

Злодеи плоть мою сожрать,
Всей силой устремлялись,
И не возмогши мя попрать,
Упали, истомлялись.

Хоть полк против меня восстань;
Бесстрашен пребываю:
Когда враги воздвигнут брань,
На Бога уповаю.

Моя у Бога просьба та,
В его чтоб жить селеньи,
И тамо время живота,
Пребыть в увеселеньи.

Скрывает тамо он меня,
Коль злоба мещет пламень,
Иль мя от лютости храня
Возносит он на камень.

И ныне он мою главу
Возвысит на пресильных:
А я на небо воззову,
Во пениях умильных.

Услыши господи мой глас;
Я помощи не знаю,
И помоги и в сей мне час;
Я в горести стонаю!

Ищите моего лица,
Твой тако глас вещает;
Ищу всещедрого творца,
Он милость обещает.

Не отврати своих очей,
Помощник мой вседневен,
Ни сильныя руки своей,

Не буди, Боже, гневен!

Меня оставил мой отец
Я матерью оставлен;
Тобою я прият творец,
Тобою я прославлен.

Врагам ругаться воспрети,
И дай мне верх над ними;
Яви ты мне свои пути;
Да шествую **я** ими.

Не дай меня ты в руки их;
Враги мои безбожны;
Не наблюдают прав твоих,
Свидетельства их ложны.

Я чаю на земли еще,
Узреши добродетель:
Их ложны речи все во тще,
Мой правый ты свидетель.

Мужайся господом, терпи,
Он даст тебе успехи:
К нему в печалях возопи,
И превратит в утехи.

Из 32 псалма
Слова творца и Бога правы,
И тверды все его уставы:
Хвалы его превознесут;
Он любит истинну и суд.

Он щедро землю украшает,
Питает ею, утешает:
Им зданна горняя страна,
Им солнце, звезды и луна.

Дыхнул; и ангелы воспели:
Сказал; и волны закипели:

Пучина в облак вознеслась,
И бездна в море затряслась.

Пред ним земля во страхе тает,
И что на ней ни обитает.
Велит; исполнилося тут:
Речет; и совершился суд.

Совет языков разрушится,
И предприятье сокрушится:
Лишь вечен вышняго совет:
Премудрости пределов нет.

Блажен, кто Бога Богом ставит;
Всевышний сам его прославит.
Он зрит, хотя свой трон вознес,
На жителей земли с небес.

Он наши действа примечает,
Сердца и мысль изобличает;
Суда его внимаем глас,
Мы совестью на всякий час.

Царю без Бога слабо войско,
Оружье воину геройско,
И слабы резкия кони:
Спасут ли скачуще они!

Господь на троне превысоком;
Но зрит недремлющим он оком:
Не скроется пред ним и прах,
И в сердце зрит он стыд и страх.

Живот наш может он простерти,
Избавить может нас от смерти,
И ниспуская щедрый взгляд,
Окончеваете миру глад.

Веселий наших умноженье,
В бедах и нуждах вспоможенье,
Всегда от вышняго летит;

Он нам прибежище и щит.

Из 33 псалма
Хранит смиренного владыко,
Куда б ни восхотел идти,
И защищение велико;
Всегда с ним ангел на пути.

Во твердой будьте вы надежде,
На всемогущего творца:
Надейтеся, но только прежде,
Очистите свои сердца.

А если злоба не отстанет:
Молитвы вашей тщетен глас;
Надежда ваша вас обманет:
Не сжалится Бог видя вас.

Не тронут Бога токи слезны,
Коль нет во сердце перемен:
Посты вам ваши бесполезны,
И преклонение колен.

Откинь дела которы грубы,
И мысли правдой обуздай,
Сдержи от зла язык и губы,
И мерзкой лжи не созидай.

От всякой злобы отклоняйся,
И мирный обретай покой:
Пред истиной не обвиняйся,
Ниже и нуждою какой.

Господь на праведна взирает,
И утесненна слышит стон,
И наши действа разбирает,
И ясно и подробно он.

Коль лютое злодейство жаждет,
И тя за истинну губит,
Душа твоя хотя и страждет,

Но Бог злодея истребит.

А ты и страждущий отраду,
Но добродетели имей,
Что Бог пошлет тебе награду,
Чего с небес не ждет злодей.

Довольствуйся такой судьбою,
Какой у нечестивых нет,
Что твой господь и Бог с тобою:
Пусть рушится и жизнь и свет.

Гони от сердца ты унылость,
И помни, что всесилен Бог:
Тебе подати может милость,
Кто весь сей мир создати мог.

Из 34 псалма
Смути мою смутивших душу,
О Боже и защитник мой!
Я ими все спокойство рушу;
Воздай ты мзду душе их злой!

Возри в спи с небес пределы,
Рцы мне! Спасение мое,
Прими оружье щит и стрелы,
Взнеси десницей копие!

Враги мои да постыдятся,
Желающия мне беды,
И ими злы самим родятся,
Насеянные мне плоды.

Да сила их твоя разгонит,
Как ветры разметают прах,
И ангел меч на нихе преклонит,
Бросая в них и смерть и страх!

Да сердце в трепете заноет,
Людей коварных толь и злых:
Да небо тьмой их путь покроет,

И ангел да погонит их!

Они мне сети соплетали,
И расставляли в сей стране:
Безвинно мне врагами стали,
Глубоки рвы копая мне.

Да мне во сети соплетенны,
Они нечаянно войдут,
И мраком небеси смятенны,
В ископанные рвы падут!

Мое стенанье утолится,
Когда спасешь ты жизнь мою:
Мой дух тогда возвеселится,
А я победу воспою.

Воскликну сильную державу,
Творца и Бога моего,
И возглашу всемирно славу,
Святого имени сего.

Из 35 псалма

Скажу что страха нет в сердцах таких людей,
Которы истине ни в чем не отвечают,
И злодеянием себя не уличают:
И мерзок предо мной злодей.

С утра до вечера они сплетают ложь,
И где не сеяли снимают тамо жатвы,
Клянутся, никогда не помнят оной клятвы
Творя злодейство то ж и то ж.

Проснутся в мыслях сих, в сих мыслях и заснут,
И злой привычкою ко аду привлеченны
Со добродетелью на веки разлученны,
Забыли страшный Божий суд.

Во преисподнюю отверсты им врата:
Туда низверженны падут и не восстанут:

Исчезнет корень их и тернии увянут:
Как тень, минется суета.

А мы, хранители твоих, о,
Боже, слов, Которым памятна твоя велика слава,
И сильная твоя в подсолнечной держава,
Преклонимся под твой покров.

Из 100 псалма

Я милость воспою и суд,
И восхвалю тебя владыко.
Хожу дорогами прямыми,
И в доме я живу незлобно:
Не представлял себе пред очи,
Противные закону вещи:
Преступников возненавидел:
К строптиву сердцу не прильпнуся
Зла знати не хочу,
Не внемлю клеветы:
И отгоняю тех,
Которы тайно мне на ближнего клевещут.
Не собеседую с имущим гордо око,
И сердце ненасытно:

Мои для праведника очи,
И с ним моя беседа.
Путем ходящи непорочным:
Мои слуги:
В моем лукавый доме,
Не обитает:
И лжец пред очи мне не смеет приступить.
Поутру злых людей карая истребляю,
И очищаю град господень,
От сотворяющих во оном беззаконие.

Материалы в помощь учителю

К Введению

История утверждения Псалтири в русской культуре

Христианская культура…есть великое
и претрудное, обязывающее и ответственное
дело; и сущность его в том, чтобы в меру
своих сил усвоить Дух Христа и творить
из него земную культуру человечества…
исключительное значение имело в истории
культуры христианство. Оно внесло …новый,
благодатный дух…который оживил самую
субстанцию культуры, ее подлинное естество,
ее живую душу.

(Ильин И.А. Одинокий художник.
Статьи. Речи. Лекции. М.,1993.С.306-307).

Принципиально значимыми в развитии русской культуры принято считать два этапа: период принятия и распространения христианства (XI-XII в.в.) и период перехода от Средневековья к Новому времени (конец XVII - начало XVIII в.в.). Своеобразие прежде всего этих эпох определило характер литературного движения, его своеобразие, что отразилось на формах усвоения и использования Псалтири как в древнерусской книжности, так и в литературе XVIII века.

Утвердившееся на Руси христианство постепенно начало влиять на все стороны жизни русских людей: на гражданский быт, на представления о государстве, на характер семейных отношений. Формировалось новое представление о человеке как высшем творении Бога, созданном по Его «образу и подобию» [Быт. 1:26], наделенном бессмертной, словесной и умной душой. Человек был выделен из окружающей среды, поставлен над всем тварным миром, над природой: «*Что есть человек, яко помниши его; или сын человечь, яко посещаеши его;умалил еси его малым чим отъ аггел,*

славою и честию венчалъ еси его; и поставил его над делы руку Твоею, вся покорил еси подъ нозе его» [ПС.8:5-7]. Теперь сущность человека постигалась, определялась, объяснялась через книги Св. Писания, Св. Отцов, литературу богословскую, церковно-учительную.

Приняв новое вероучение, Русь овладела церковно-славянской письменностью, постепенно приобщилась к ценностям мировой книжной культуры. Она получила доступ к главнейшим видам богатой церковно-христианской литературы, которая со временем произвела переворот в сознании русских людей, была воспринята ими как глубочайшее откровение и вскоре приобрела непререкаемый авторитет. Это касается прежде всего книг Ветхого и Нового Завета, а также апокрифов, житий святых, сочинений богословов, Отцов Церкви. Это было отмечено М.М.Херасковым, писавшим с гордостью: «…во время, когда Европы большая часть славословила Бога и обеты ему на языке чужестранном возносила, россияне уже пели песнопения церковные на своем языке и услаждали сердца свои и дух свой чтением книг Священных. Псалмы Давидовы, в коих блещет стихотворство божественное, и все Священное писание были вскоре весьма изрядно переложены на древний язык славянский».

Произведения, в которых выражалось Священное знание, - богодухновенные; они являлись тем смысловым центром, производные которого и начали формировать русское культурное пространство. Под влиянием библейских книг формировалось умение мыслить и говорить о Боге. Св. Василий Великий писал о Псалтири, ее роли, значении, многообразии: «…книга…Псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. <…>…Псалом для человека — это совершенно то же, что веяние воздуха, или разлитие света, или употребление огня и воды, или вообще что-нибудь такое, что всем и необходимо и полезно. …Псалом – убежище от демонов, вступление под защиту Ангелов, оружие в ночных страхованиях, успокоение от дневных

трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам; самое приличное убранство для жен. Здесь есть совершенное богословие, есть пророчество о пришествии Христовом по плоти, есть угроза суда Божия. Здесь внушается надежда воскресения и страх мучений. Здесь обещается слава, открываются тайны. Все, как бы в великой и общей сокровищнице, собрано в книге Псалмов…».

Псалтирь - так назвали богодухновенную книгу псалмов 70 толковников, переведших Библию задолго до Рождества Христова с древнееврейского языка на греческий. ***Псалом*** - стихотворная песнь о Боге, ***псалмопевец*** - творец, сочинитель псалмов. По-еврейски сборник псалмов именуется «Сефер теиллим» - «Книга хвалений». Ведь изначально хвалебные песни о Боге звучали под аккомпанемент струнного музыкального инструмента, который именовался псалтирью. Именно от него получила название и книга.

Псалтирь соединяет в себе совершеннейшее богословие и высочайшую поэзию, она и молитвослов, и лучший учебник грамоты, созидающий православно-языковую картину мира. В ней мы находим прикровенное указание на Бога-Троицу: *Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их.* [Пс.32,6]. Как указывает в своем исследовании Н.Саблина: «По глубине богословия Псалтирь являет собой Ветхозаветное Евангелие. За две с половиной тысячи лет до Рождества Христова псалмопевец Давид живо описывает события Нового Завета, которые он видит пророческими очами как сбывшиеся: приход в мир Спасителя: Человек и человек родися в нем (то есть в граде Божием), и той основа и вышний, (Пс.86,5), Его добровольные страдания на кресте: Боже, Боже мой, вонми Ми, вскую оставил Мя еси? (Пс.21,2), Его преславное Воскресение: Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его (Пс.67,2), отступничество избранного народа: Сынове чуждии солгаша Ми (сыновья как чужие солгали Мне, Пс.17,45), о Богородице: Предста Царица одесную Тебе (Пс.44,10). Особенно ярко Давид описывает Господа Иисуса Христа как Мессию и Царя всех

веков. Давид пророчествует о Его Втором пришествии и Страшном суде, когда будет радоваться вся угнетенная и измученная грехопадением человека природа: Возрадуется вся древа дубравная от Лица Господня, яко грядет, яко грядет судити земли: судити вселенней в правду, и людем истиною своею (Пс.95, 12-13)»[39,103].

Книга Псалмов дошла до нас в двух редакциях**:**

• **масоретской** (VIII в. до рождества Христова);

• **септуагинтской** (И-Ш вв. до рождества Христова).

В масоретской редакции содержится лишь Ветхий завет и в Псалтири насчитывается сто пятьдесят псалмов разделенных на пять книг. Не исключено, что первоначально каждая из них представляла самостоятельный сборник, но в какой-то момент они были объединены. В септуагинте (греч.) - «перевод семидесяти», встречаются отличные от масоретского перевода детали:

• сто пятьдесят один псалом вместо ста пятидесяти;

• отсутствие деления на пять книг;

• соединение девятого и десятого масоретского текста в один псалом (девятый);

• разделение сто шестнадцатого псалма из масоретского текста на два (сто четырнадцатый и сто пятнадцатый). Это же произошло и с псалмом сто сорок седьмым, который был разделен на сто сорок шестой и сто сорок седьмой [11, 45].

Все эти различия объясняются тем, что переводчики пользовались разными списками (рукописями) древнего текста. Однако, при этих отличиях, остается неизменной тематика псалмов. Ефимий Зигабен в своей работе «Толкование Псалтири» отмечал, что для верующих людей они «имеют глубинный смысл и выполняют весьма определенные задачи:

1) знакомят читателей с жизнью Давида - автора большинства псалмов (пс.55);

2) раскрывают истории (древности) не только еврейского народа. Во многих псалмах рассказывается о рождении патриархов, их занятиях, странствиях, о законодательстве, судьях и царях (пс.106,57);

3) содержат исследования природы (пс.103);

4) содержат пророчество о Спасителе (пс.145);

5) говорят о разумных тварях, т.е. ангелах и демонах, о душе и уме (пс.62);

6) информируют о том, каково должно быть нравственное воспитание, о добродетели, о добре, о зле (пс. 12,48);

7) предлагают самое основательное и возвышенное учение о заповедях (пс. 49,51)»[21, 63].

Множество споров рождается у исследователей Библии вокруг вопроса об авторстве псалмов. Безусловно, их нельзя отнести полностью перу царя Давида (Царь Израилитянско-Иудейского государства (X век до н. э.). Скорее всего, он является собирателем, «редактором», так как псалмы, по мнению некоторых исследователей, содержат историю Израиля, вплоть до периода после Вавилонского пленения включительно.

Временем канонизации сборника считают IV или V века до Рождества Христова. Высокий уровень сохранности подтверждается находками сороковых - шестидесятых годов XX века в Иудейской пустыне, так называемыми Свитками Мертвого моря, среди которых оказалось около трех десятков манускриптов Псалтири. Гече склоняется к мысли, что «первая часть Псалтири (1-40 псалмы) содержит тексты, приписываемые царю Давиду. Эта традиция сохраняется в подзаголовках: Давид назван автором в тридцати восьми псалмах. В трех псалмах (1; 2; 32) отсутствует имя автора.

Во вторую часть (41-71), по его мнению, входят псалмы, где в качестве авторов указываются и другие лица. Так авторами 41; 45; 48-го псалмов названы сыны Кореевы, а 49-го - Асаф, в 71-ом фигурирует имя Соломона (сын Давида, третий царь Израильско-Иудейского государства), который

изображен в ветхозаветных книгах величайшим мудрецом всех времен, 42; 65; 66; 70-ый псалмы приписываются Давиду.

Третья часть (72-88) состоит из одиннадцати псалмов Асафа; четырех псалмов сынов Кореевых (83; 84; 86; 87), одного псалма Давида (85) и одного псалма Ефама (88).

Псалмы четвертой части не имеют автора, за исключением трех (89-го Моисея, 100-го и 102-го Давида).

Четырнадцать псалмов пятой части (106-149) приписываются Давиду (107-109 и 138-144), автор остальных не указан».

Ефимий Зигабен утверждал, что «для людей, верующих в Святое Писание, авторство Давида неоспоримо. Появление других имен в начале псалмов они объясняют тем, что Давид мог назначить этих людей (сынов Кореевых, Асафа, Ефама) быть начальниками хоров и по жребию распределил между ними очередь прославлять Бога на различных музыкальных инструментах».

Святитель Афанасий Великий считает, что в надписаниях к псалмам показывается, кому принадлежит какой-либо псалом. Поэтому, как видно из надписаний, встречаются псалмы этих четырех начальников. Таким образом, когда сказано: псалом сыном Кореовым, Эфаму, Асафу и Эману; это значит, что они и воспевают псалом. Когда сказано: псалом Асафов или Идифумов, тогда показывается, что псалом этот изречен самим Асафом или Идифумом. Если говорится: псалом Давидов, показывается, что произнесший был сам Давид. Когда же сказано: псалом Давиду, это значит, что другими изрекается о Давиде.

В Псалтири из 150 псалмов часть относится к Спасителю — Господу Иисусу Христу; они важны в сотериологическом плане (сотериология — учение о спасении человека от греха). Эти псалмы называются мессианскими (Мессия, с еврейского, значит — Спаситель). Различают псалмы мессианские в прямом и в прообразовательном смысле. Первые говорят о грядущем Мессии — Господе Иисусе Христе. Вторые повествуют о лицах и событиях

Ветхого Завета (царь и пророк Давид, царь Соломон и др.), прообразующих Новый Завет Господа Иисуса Христа и Его Церковь.

Наиболее распространенная и наименее оспариваемая классификация псалмов по жанровому признаку принадлежит немецкому богослову-библеисту Иогану-Фридриху-Герману Гункелю (1862-1932). Он выделяет:

1) гимны, т.е. песни восхваления в полном смысле этого слова, прославляющие и призывающие восхвалять Бога во всех Его проявлениях и творениях;

2) плачи коллективные: сетования, вызванные кризисной ситуацией в общине или нации и взывания к богу о помощи;

3) плачи индивидуальные: жалобы на муки, очень часто заверения в невиновности, очень часто надежда и даже уверенность, что жалоба будет услышана и справедливость восстановлена;

4) песни благодарения, в подавляющем большинстве индивидуальные, но есть и несколько коллективных; соединяя описание бедствия с хвалами Богу за счастливое избавление, они как бы синтезируют плач и гимн;

5) царские псалмы, изображающие ту или иную ситуацию из жизни царя земного, царя евреев: восшествие на престол, свадьбу.

К Разделу I

Псалтирь и ее влияние на духовную, культурную, бытовую жизнь русских людей.

Псалтирь была переведена на славянский язык с греческого в первоначальный период развития письменности на Руси святыми Кириллом и Мефодием — ведь без ее текста невозможно было совершать ни одной церковной службы. Поскольку еще в раннехристианскую эпоху Псалтирь удовлетворяла различным потребностям, существовали редакции этой книги, зависящие от ее **практического назначения**. Так возникли основные типы псалтирных текстов: **Псалтирь следованная** (или “с восследованием”), применявшаяся при церковном служении, и **Псалтирь толковая** (с

толкованиями текста, составленными Афанасием Александрийским, Феодоритом Киррским и другими раннехристианскими авторами). В первой половине XVI в. в Москве был сделан новый перевод с греческого языка толковой Псалтири Максимом Греком (Триволисом).

Как священное наследие, употребление псалмов в богослужении пришло на Русь из Византии: часы, антифоны, прокимны, избранные псалмы праздников и в службах вечерни, утрени, обедни, в крестных ходах, на панихиде…

Уже в раннехристианскую эпоху греческий перевод Псалтири лег в основу христианской литургии и гимнологии. В составе так называемых “вседневных” служб (полунощницы, утрени, часов, вечерни и повечерия) используется более 50 отдельных псалмов (в богслужение православной Церкви входят псалмы: 1-24, 30,33, 37, 50,53, 54, 62, 69, 83-85, 87, 89-103, 116, 118,120,129,133, 135, 140-142, 145, 148-150). В современном богослужебном Уставе Православной Церкви принято деление Псалтири для удобства при употреблении ее за богослужением и в домашнем (келейном) правиле на 20 разделов — кафизм (кафисм), от греч. «кафизо» — «сижу», каждая из которых делится на три «Славы», или статии.

В древней Церкви за богослужениями, особенно на утрени, после псалмов, которые пелись стоя, полагались перерывы для духовных размышлений о пропетых псалмах. Во время этих размышлений сидели. Из таких размышлений возникли песнопения, именуемые «седальнами». Впоследствии стали сидеть и во время чтения псалмов, а название «кафизма» (то есть «седален», «седальный») перенесли и на псалмы. В славянском Уставе слово «кафизма» оставлено для разделов Псалтири, а богослужебные песнопения названы славянским словом «седальны».

В храме псалмы читаются ежедневно за всяким утренним и вечерним богослужением. Полностью Псалтирь прочитывается в течение каждой недели, то есть седмицы, а Великим постом — дважды в течение седмицы.

Домашнее молитвенное правило находится в глубокой молитвенной связи с богослужением храмовым: утренняя молитва, начиная новый день, предваряет богослужение и внутренне готовит к нему верующего, вечерняя, заканчивая день, как бы завершает и церковную службу. Отцы и подвижники церкви предлагают верующему читать псалмы ежедневно, полагая непременным условием духовной пользы чтения и изучения псалмов благочестие и чистоту сердца. Чтение Псалтири приносит великое утешение, ибо это чтение приемлется как умилостивительная жертва во очищение грехов как читаемых, так и поминаемых. Как пишет святитель Василий Великий, «Псалтирь… за весь мир Бога молит».

Ни одно молитвословие не может сравниться с Псалтирью из-за ее всеобъемлющего характера. Греческий философ и монах Евфимий Зигабен называет Псалтирь «…общедоступной лечебницей, где излечивается всякая болезнь. Причем удивительно то, что ее слова приличествуют всем людям — особенность, свойственная одной этой книге, которая представляет собой изобилие всякого созерцания и правил жизни, общественную сокровищницу наставлений, содержащую в себе при этом только то, что полезно.

Чтение псалмов — это собеседование с Богом, назидание души и поддерживание ненарушимой памяти божественных слов. Для начинающих учение — это самое первое и основное наставление, для успевающих в учении — приращение познаний, для оканчивающих — утверждение в приобретенных познаниях. Псалом — это неодолимый щит, самое лучшее украшение для начальников и находящихся под начальством, для воинов и для людей вовсе незнакомых с военным искусством, для образованных и необразованных, для отшельников и для людей, принимающих участие в делах государственных, для священников и мирян, для живущих на суше и островитян, для земледельцев и мореплавателей, для ремесленников и для не знающих вовсе никакого ремесла, для мужчин и женщин, для старцев и юношей, для людей всякого происхождения, возраста, положения в свете, для людей всякой профессии».

Апостолы и первохристианская Церковь пользовались Псалтирью как богослужебной книгой, святители Иоанн Златоуст и Василий Великий говорят о псалмопениях во время молитвенных ночных бдений. Св. Афанасий, св.Григорий Нисский, св.Ефрем Сирин называли Псалтирь малой Библией и церковным молитвенником. Удивительно звучала Псалтирь в катакомбах Древней Церкви: чтец на возвышении возглашал надписание псалма и запевал псалом, а собравшиеся вторили ему на каждый стих. Постепенно было введено антифонное (попеременное) псалмопение, о котором святой Григорий Назианзин восторженно сказал:

Смотри - ночь в Божьем псалмопеньи:
Забыта немощь жен, мужей.
Сонм Ангелов святых! Каких?
Которые то вместе, то попеременно
Поют хвалу Отцу Небес.

Известно, что св. Афанасия спасло пение псалмов: солдаты, ворвавшиеся в церковь, не убили его, умилившись до слез красоте и гармонии песнопений. В монастырях был выработан устав Неусыпающей Псалтири. Только наизусть знающие Псалтирь могли принять иночество и священный сан.

Псалтирь являет нам совершеннейшую поэзию, не утраченную при богодухновенных переводах на греческий, славянский и другие языки, но приумноженную и обогащенную. «*Руце мои сотвористе орган, и персты мои составиша Псалтирь*»,- так повествует Давид в псалме, писанном «особь», отдельно от всех 150 псалмов.

Само собой разумеется, что Псалтирь знали и почитали на Руси.

Псалтирь была не только богослужебной книгой, но и основной **учебной книгой** Древней Руси. Обучение детей начиналось именно с Псалтири, дабы по слову апостола Павла: *Слово Христово да вселяется в вас богатно, во всякой премудрости: учаще и вразумляюще себе самех во псалмех и пениих и песнех духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви* (Кол.3,16).

Псалтирь служила воспитанию доброго христианина. Школу так и называли **часословно-псалтирной**. Программа ее хотя и была предельно простой, - учили начальной грамоте, - но выходили из училищ многие премудрые философы. В «Повести временных лет» мы обнаруживаем рождение той полнокровной национальной русской школы, которую и по сей день не могут сокрушить. Ведь она возникла под крылом Церкви, а не как светское учреждение. «*Володимир же…нача поимати дети у нарочитые чади, и даяти нача на учение книжное. Матере же чад сих плакаху по них, еще бо не бяху ся утвердили верою, но аки по мертвецы плакахуся*».

В православном училище языческое дитя преобразовывалось в нового человека, становилось другим, поэтому-то не укрепленные еще в вере матери и плакали по детям своим, как по мертвым. Сами же матери, как, например, мать св.Феодосия Печерского, приводимы были в церковь детьми.

Первая школа на Руси, согласно Летописи (Повести Временных Лет), была учреждена в 988 году — в год Крещения Руси, т.е. сразу же после крещения киевлян. Неслучайно в церковном календаре праздник Крещения называется еще праздником Просвещения; стремление к Истине, а также начинающаяся со Священного Писания богатейшая книжная традиция и книжные науки являются неотъемлемой чертой христианской культуры; христианское просвещение пришло на Русь одновременно с новой верой.

Вплоть до XX века существовало особое издание Псалтири — «**Псалтирь учебная**», где в предисловии помещалось учебно-методическое пособие по обучению грамоте. Начиналось это предисловие такими словами: «***Следует вам, учителя, знать, как вам детей учить божественным письменам. Во-первых, сначала буквам, то есть азбуке. Потом же чтению Часослова и Псалтири и прочих божественных книг. А сверх того — особенно основательно — следует вам назидать и учить учеников азбуке (т.е. грамоте) чисто, прямо и по существу: (соответственно тому) как какое слово какой частью речи называется (т.е. учить по частям речи, изучать азы грамматики)***».

Сначала в такой учебной псалтири располагалась азбука, потом чтение по слогам, потом короткие молитвы, затем — вся псалтирь.

Почему Псалтирь стала на Руси первой учебной книгой? Можно называть три основных причины:

- Псалтирь очень часто читалась — и в храме, и во время домашних молитв — а читались церковные книги вслух, и богослужение посещали практически все! Как пишет академик Янин, «*многие псалмы, звучавшие ежедневно во время церковной службы, христиане знали наизусть. Существовало немало людей, наизусть помнивших все тексты этой книги*», т.е. книга была на слуху, а значит, легко было учиться читать по книге, которую ученик уже хорошо знал на слух, местами наизусть.
- Во-вторых, в Древней Руси **центрами просвещения** были монастыри и храмы, именно при них устраивались библиотеки и скриптории (места переписывания книг), создавались книги, при них существовали школы, поэтому самая употребительная богослужебная книга была естественным вариантом для обучения.
- И главная причина того, что именно Псалтирь на столетия стала учебной книгой, это, все-таки, ее **содержание.**

Псалтирь можно назвать начальным «учебником жизни» для русского человека: кроме правил письма и чтения человек постигал здесь **правила жизни**, кроме образцов для прописей обнаруживал образцы поведения и отношения к другим людям, которым человек старался следовать в своей жизни. Вместе с азбукой усваивались «азы», основы мировоззрения.

В Псалтири многие строки начинаются со слов «блажен, кто…» («блаженный» в данном случае значит — «тот, кто обладает благом») — т.е. Псалтирь указывает на путь к благам, учит человека тому, как достичь этих благ, каким человеку нужно для этого стать. Главный урок Псалтири состоял в том, что она учила выбору жизненного пути как **нравственному выбору**. Слово «путь» — вообще ключевое в Псалтири. Правильный выбор пути —

вот тема многих псалмов. В 33 псалме (сегодня он читается в православных храмах перед началом учебного года) есть такие слова: «*Придите, дети, послушайте меня: ... Хочет ли человек жить и любит ли долгоденствие, чтобы видеть благо? (тогда) Удерживай язык свой от зла и уста свои от лжи. Уклоняйся от зла и делай добро*». И подобные обращения звучат в Псалтири постоянно. Это означает, что Псалтирь, по сути, формировала новый взгляд на человека. Для Псалтири человек — не просто часть природы, а Личность, которая свободна выбирать свой путь. Псалтирь обнаруживает: у человека, в отличие от «бессловесной» природы, есть выбор, и в этом выборе, который всегда доступен человеку, и заключается его личное отношение к миру и другим людям; этот свободный, нравственный выбор и делает его личностью. Этот выбор предстает перед человеком как два пути — путь Добра и путь Зла, и «*ведом (известен) Богу путь праведных, а путь нечестивых погибнет*» (таковы финальные слова самого известного — первого — псалма). Как определяет Псалтирь «путь добра»? Путь добра — это тот путь, который «знаком, близок» Богу, а значит, «близки Богу те, кто идет путем праведности, и чужды Ему идущие путем нечестия». Так путь Добра оказывается путем жизни, путем Бытия, а путь отказа от добра — путем гибели. Псалтирь утверждала, что к благу приводит путь, который «известен Богу», что и человек, и его страна благоденствуют, живут в благополучии, если следуют этому пути.

Когда в конце 19 века радением К.Победоносцева, С.Рачинского и других выдающихся педагогов стала восстанавливаться церковно-приходская школа, то Псалтири в ее программе было уделено одно из главенствующих мест. Так, учащиеся за два года обучения должны были прочитать всю Псалтирь, комментарии же были минимальными. И это было мудрое решение, так как Псалтирь «действием благодати Божией формирует православное сознание. Чтением Псалтири не только приходит знание и понимание богослужебного языка Церкви, но и сам человек преображается

духовно, укрепляется как христианин - ведь Псалтирь есть молитва, слышимая Богом».

Псалтирь как источник поэтических текстов для русских поэтов

Псалтирь стала любимой книгой на Древней Руси: ею утешались и укреплялись в подвиге духовном и ратном, в молитве уединенной и соборной, ею назидали детей, она украсила проповеди, службы, художественные сочинения. «***В основе поэтики древнерусской литературы лежит Псалтирь»,*** - заметил Д.С.Лихачев.

Как Псалтирь в целом, так и многие отдельные псалмы в частности оказались созвучны ощущениям, настроениям, переживаниям русских людей. Библейское слово как основа богопознания, как многовековая мудрость и нравственность человечества, как источник красоты стало аксеологически значимым для русской словесности с начальных этапов ее существования. Как отмечает в своей работе Л.Луцевич, «*древнерусская книжность не знала стихотворной поэзии, но она рано усвоила библейские псалмические стихи, многочисленные псалтырные концепты, входившие в состав литургии, религиозного богослужения. Писатели Древней Руси достигали высочайшего мастерства в душеспасительном словесном искусстве. Душеполезная словесность входила в круг сакральных предметов, и так называемое литературное творчество напоминало религиозное таинство. Книжник примерял свое творение к Св.Писанию, воспринимая себя в качестве посредника между Божественной мудростью и человеческим неведением. «Писательство» становилось разновидностью иноческого подвига, особой формой молитвы (основу многих молитв зачастую составляли псалмы). На первом этапе существования книжности легче всего воспринимались и утверждались библейские книги, среди которых особую роль (богослужебную, образовательную, эстетическую) выполняла Псалтырь*».

В древнейших произведениях – слове Илариона, летописи Нестора, сочинениях Владимира Мономаха, Феодосия Печерского, многих анонимных авторов постоянно встречаются псаломные стихи.

Знаменательное «Слово о законе Моисеем данном, и о благодати и истине, Исусом Христом бывши и како закон отиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера вся языки простреся и до нашего языка русского, и похвала кагану нашему Влодимеру, от него же крещении быхом, и молитва к Богу всей земли нашей» митрополита Илариона, открывающего собой историю древнерусской литературы, «преизлиха» насыщено выдержками из Ветхого и Нового Завета, в том числе и из Псалтири. Псалтирные стихи определяют и пафос «Слова», и его структуру. «Слово» открывается псаломным стихом: «*Благословен Господь Бог Израилев*» [Пс.40:14, 70:18]. Автор, рассуждая об установлении Богом ветхозаветного закона в предуготовлении истины и благодати, восторгаясь чудодейственной силой Божьей, восклицает: «Кто бо велик, яко Бог наш. Ты един творяи чудеса», используя при этом фрагменты стихов из 76 и 71 псалмов: «*Боже, во святем путь твой; кто бо велий яко Бог наш; ты еси Бог творяи чудеса: сказал еси в людех силу твою*»; «*Благословен Господь Бог Израилев, Творяи чудеса един*».

Центральная часть «Слова», посвященная тому, как «вера благодетельнаа по всеи земли простреся и до нашего языка русскаго доиде» и как русские были наречены «людие Божии», содержит радостную, восторженную хвалу всемогуществу Божьему, составленному особым образом – в виде целого блока из семнадцати псалтирных стихов.

В конце «Слова» и в заключительной Молитве автор, ища у Господа прощения, милости, защиты, научения, вновь обращается к Псалтири (142:2, 78:13, 137:8, 129:3, 50:3, 13:3, 11:2, 102:10, 78:13, 73:2, 43:21, 122:1,78:10).

Именно на Псалтири построил свое знаменитое «**Поучение**» потомкам **Владимир Мономах** в XII веке: удрученный распрями и войнами между русскими князьями (и, возможно, оставляя детям свое духовное завещание),

Мономах «взял Псалтирь … собрах словц си любая, и, складах по ряду, и написах». Мономах использует 36 псалом, который хорошо подходит для описания бед раздираемой усобицами Руси и дает ответы на злободневные вопросы: «малое у праведника лучше многих богатств нечестивых, нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы низложить бедного и нищего, чтобы пронзить идущих прямым путем: меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся» (вольное переложение псалма 36). Автора привлекли те стихи 36 псалма, где четко прослеживается оппозиция: «праведники – грешники», а именно 1, 9-18, 22-27. Князьям, стремящимся в погоне за богатством и властью завоевать чужие наследные земли-вотчины, Мономах адресует слова Псалтири «*Не ревнуй лукавнующим* (т.е. не соревнуйся со злодеями), *не завиди творящим безаконье* (не завидуй творящим беззакония), *зане* (потому что) *лукавнующии потребятся* (т.е. истребятся, погибнут), *терпящии же Господа — ти обладают землею*». (О «Поучении» Владимира Мономаха **Д.С. Лихачев** писал, что оно «***должно занять одно из первых мест в истории человеческой Совести, если только эта История Совести будет когда-либо написана»***).

Обращение автора к Псалтири показывают его настойчивое желание через псалмы, с их помощью утвердить в сознании сыновей, всех русских людей христианские истины.

Произведения такого распространенного в древнерусской литературе жанра, как жития святых, всегда были наполнены цитатами из Псалтири. Словами псалмов молились герои житийной литературы, словами псалмов характеризовал события их жизни автор: строки из Псалтири были высшей меркой, по которой оценивалась жизнь человека, образцом, с которым она сверялась — насколько человек ему соответствует. В «Сказании о Борисе и Глебе» (первых русских святых), в жизнеописаниях русских князей — Александра Невского, Дмитрия Донского, князей-мучеников, погибших за свое Отечество и свою Веру в Золотой Орде, и во множестве других древнерусских житий, повествующих о людях, оставивших о себе светлую

память и след в нашей истории и культуре, — во всех них мы найдем целые россыпи цитат из Псалтири.

И когда древнерусский автор хотел показать, что человек состоялся как личность, реализовал заложенные в нем таланты и достиг высшего блага, он использовал хорошо известные всем слова 1-го псалма — того самого, с которого начиналось обучение человека.

Приведенные факты показывают не только то, что в древнерусской книжности была мощная опора на тексты Св. Писания, но и то, что авторы, используя псалтырные стихи с их образами, символами, требованиями, понятиями, закладывали **основы грядущей русской литературы.** Ориентация на Псалтирь, употребление ее стихов «позволили воплотить в средневековой книжности универсальное содержание: богодухновенные пророчества, прообразы, обетования; концептуальные идеи, сущностные для всего христианского мира».

К разделу I I

Историко-культурные предпосылки возникновения традиции поэтических переложений псалмов в XVIII веке

Новизна Петровской реформы не

в западничестве, но в секуляризации. <…>

Русская душа раздваивается и
растягивается в напряжении между двумя
средоточиями жизни, церковным и
мирским.

(Флоровский Г. Пути русского богословия.

3-е изд. Париж,1983. С.82-83).

Обращение к ветхозаветному общехристианскому прошлому возрождается в период становления новой поэзии. С конца XVII и на протяжении всего XVIII в. с развитием секуляризационных процессов в России пути культуры и церкви все более расходились. По мере того, как

мироосмысление отдалялось от сакрального уровня, формирующаяся антропоцентрическая культура все явственнее наступала на культуру сотериологическую. Это находило выражение в новом понимании человека, что в свою очередь определяло тематическое и стилевое развитие поэзии. Литература XVIIIв., с ее сложным переплетением разных мировоззренческих позиций, где удивительным образом сочеталось (или сталкивалось) старое и новое, на протяжении длительного времени изучалась, прежде всего, как явление светское с позиций преимущественно эстетических. В этом смысле показательны все нынешние учебные пособия по литературе для общеобразовательных школ и гимназий. Вместе с тем своеобразие и специфика русской культуры Нового времени таковы, что в ней, наряду с новой светской, продолжала жить и позитивно воздействовать на литературный процесс и другая — традиционная тенденция, соотносящаяся с религиозностью, *христианской духовностью*.

Петровская эпоха по самой сути происходящего в культурной жизни нации и страны соотносится с европейским Ренессансом. А Ренессанс (будь то европейский или российский) связан с секуляризацией культуры.

Это время было сопряжено с утверждением так называемого научного типа мышления, мировоззрения. Своеобразие исторического развития России проявилось и в том, что, не успев вступить в новую для себя эпоху, она тут же испытывает мощное воздействие просветительских идей, тогда как в Европе их развитие стало закономерным итогом процесса весьма длительного.

«Что вообще есть Просвещение? Это не свойственное прежде русской культуре понимание истины, - пишет Дунаев. - Это признание за позитивистской наукой способности дать конечное толкование мироздания. Это обожествление и признание всесильности человеческого разума. Это идеологическое обоснование революционного Преображения мира».

Точно и кратко смысл Просвещения выражен в рационалистической «Энциклопедии символов», вышедшей на исходе XX столетия в Германии (и

без задержки переведённой на русский язык): «В век Просвещения малопонятный бог был спущен с небес. В XVIII веке было провозглашено: бог там, где разум и человеческие силы, а не на небе».

В литературе к этому был предназначен особый творческий метод отображения действительности, именуемый ***классицизмом.*** Классицизм возник в Европе, во Франции XVII столетия, в эпоху становления и расцвета абсолютной монархии - что естественно, закономерно. Классицизмом этот метод назван из-за его внешней ориентированности на классическое искусство Античного мира: не только основные принципы аристотелевской поэтики, но и темы, сюжеты писатели классицизма обильно заимствовали у античной литературы, хотя и не ограничивались одними заимствованиями.

В классицизме всё подчинено идеям царственности, прославлению государства, прежде всего монарха (как главного носителя идеи), воспеванию славы государства, жертвенных подвигов во имя государства. Ломоносов писал об этом в стихотворении «Разговор с Анакреоном»:

Хоть нежности сердечной

И любви я не лишен,

Героев славой вечной

Я больше восхищен.

Любовь к государству, «чистейшая страсть», никакими корыстными помыслами не замутнённая, ставилась в классицизме выше всего, главное - выше индивидуальных интересов, личных привязанностей, частных эмоций.

Понятие *государства* подменило собою понятия родины и отечества, ценности духовные.

Однако уже в XVIII веке идея государственности начинает смягчаться неявным отказом от сугубой приверженности монархии и предпочтением монархическому принципу некой отвлечённой гражданственности, что заметно сказалось в культуре конца столетия.

Главенство долга перед государством над всеми прочими стремлениями и чувствами - утверждавшееся классицизмом последовательно

и безусловно - апеллировало прежде всего к разуму человека, и это как нельзя полнее совпадало с просветительским рационализмом. Рассудок признаётся главным средством самосовершенствования человека, общества. К нему обращается прежде всего писатель-классицист. Отсюда вытекает и дидактизм любого классицистического произведения, наличие в нем любых поучений, рассуждений и т.п.

Персонажи классицистического произведения всегда являются выразителями одной отвлечённой идеи, в их характере всегда можно отметить односторонность, схематизм, отсутствие развития, что так контрастно отличает их от реалистических созданий. Классицизм создает иерархию языкового материала, воплощённую в известной теории «трех штилей». Высокий, средний и низкий *штили* обязаны соответствовать уровню темы и предмета изображения.

Однако, как считает Луцевич, «при наличии культурных, образовательных, научных тенденций, действительно ориентированных на практицизм, самая литература, поэзия со всем этим ничего общего не имеет. Она прекратила бы свое существование, если бы ее сердцевину, сущность определяла деятельность писаря-грамотея, орудовавшего словом, как «строительным материалом», для выражения утилитарных знаний, конкретных фактов. Слово художественное, поэтическое не может утратить ни свою многозначность и символичность, ни свою эмоционально-выразительную сущность, т.е. всего того, что отличает явление искусства от неискусства». Поэзия всегда ориентирована не на «**землю», а на «небо»,** каких бы приземленных тем ни касался автор (это ярко выразилось и в текстах самой Псалтири). Носитель художественного слова, русский поэт и в XVIII веке продолжал оставаться православным верующим.

Кроме того, произошедшая в России секуляризация способствовала выдвижению *творческой индивидуальности*. Писатель в XVIII веке уже не замкнут строгими рамками церковного сознания, свободен в выборе идей, эстетических концепций. Он «осознает себя теперь художником, творящим

от собственного имени,…принимая разные лики, он во всех них выступал как самостоятельный деятель». И лишь в одном жанре автор продолжает, вслед за древнерусским книжником, по-прежнему выступать как своего рода передаточное звено между Богом и человеком. Этим жанром является жанр **стихотворного переложения псалма**. Повысив роль индивидуального начала, секуляризация весьма отдаленно, но способствовала формированию того, что поэт XVIII века, осознавая себя создателем нового художественного мира, позволяет себе не только ориентироваться, но и «соперничать» с богодухновенными пророками, создателями священных книг.

Ю.М.Лотман неоднократно отмечал, что одна из значимых функций поэта как пророка, прорицателя утвердилась в русской литературе к середине XVIII века. «Поэт в XVIII веке оказывается той сакрализованной фигурой, которая посредничает между Божеством и человечеством». Этим ученый объясняет и то особое отношение к поэзии, которое характеризует именно Россию, где «*хранителем социальной гармонии и распорядителем общественного блага оказывается…* ***поэт».***

Существенно, что среди традиционных литературных жанров внимание поэтов XVIII века вновь привлекли стихотворные переложения псалмов, распространившиеся на Руси с XVII века. Этому способствовали, очевидно, разные факторы, среди которых по-прежнему значимыми оставались: многовековая укорененность псалмов в православной литургии, универсальное, общечеловеческое их содержание, а значит, своего рода легализация выражения личных переживаний, настроений, ощущений; возможность интимного общения поэта с Богом.

Еще в 1734 году Тредиаковский предложил псалмическую парадигму в качестве образцовой для одической поэзии в предисловии «Для Известия» к трем одам парафрастическим по поводу переложения 143 псалма, а также в других статьях. В частности проводилась такая параллель между одами и псалмами: «Всяк Российский охотник может приметить высоту слова, какова приличествует Одам, в Псалмах Святаго Песнопевца Псалтирическаго: ибо

Псалмы нечто есть иное, как токмо Оды, хотя на Российски наш язык и не Стихами они переведены, но на Еврейском все сочинены Стихами. Увидит он тут и благородство материи, и богатство украшения, и великолепие изображений; увидит мудрое прерывание разума, а от разума не отходящее; увидит удивительное вознесение слога, и, …неисчетное множество живых красот и одушевленных. В них реки возвращаются вспять к своим истокам; моря расступаются и убегают; холмы скачут; горытают, как воск, и исчезают; небо и земля слушают и внушают с почтением и в молчании; все естество приходит в движение и колеблется от лица своего Зиждителя: увидит он и скажет, что то по самой истине есть божий язык. Такова долженствует быть совершенная Ода».

Позднее Державин в трактате «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде», опираясь на положение Тредиаковского о Божественном происхождении поэзии, вновь подчеркивал, что «высокие священные псалмы, не что иное суть, как вдохновение Божие». Поэт дал описание «Священной Оды», соотнося ее, как и его предшественник, непосредственно с ветхозаветной псалтырной поэзией. В качестве примера «священной Оды» Державин привел стих 19 из 76-го псалма: «*Осветиша молния Твоя вселенную, подвижеся и трепетна бысть земля*».

Исследователи, рассматривавшие творчество русских поэтов XVIII века (прежде всего Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, а также Хераскова, Державина и др.), видели причину широкого распространения псалмов в XVIII веке прежде всего в том, что этот жанр открывал дополнительные возможности для воплощения и развития в литературе лирической темы. «Время для лирики, для художественного раскрытия индивидуального человеческого сознания и индивидуальных человеческих переживаний еще не наступило, - писала А.О.Чугунова. – Лишь в «Переложениях» псалмов, в переводах с древних языков лирическая тема получила свое оправдание и право на существование. Чужими словами поэты выражали свои собственные мысли и переживания».

В переложениях псалмов «начало личностное, подчеркнутое авторское отношение к теме, получило особенно интенсивное… выражение». Переводы и переложения псалмов - это «одна из форм поэтического выражения своего внутреннего мира, настроений, чувств, состояний души».

Глубокое понимание сущности жанра содержится в исследовании Л.Ф.Луцевич. Она также подчеркивает особую роль переложения псалмов как «средства поэтического самовыражения», обращая внимание на то, что «актуализация личностного начала в авторской поэзии, обращенной к библейскому источнику, стимулировалась текстами самой Псалтыри – самой личностной из всех книг Ветхого Завета».

Итак, популярность стихотворных переложений псалмов объяснялась историками литературы прежде всего желанием поэтов XVIII века выразить собственные мысли и переживания, состояние души, предаться нравственному самоуглублению. Таким образом формировалось начало личностное, автобиографическое, собственно лирическое в эпоху господства рационализма в философии, классицизма в литературе, не знавшей интимной лирики в том значении, какое она приобрела в более позднее время.

Степень подобия образа автора и лирического героя часто обуславливается близостью психологического портрета, биографии, взглядов на жизнь. Ярким примером подобного творчества являются переложения псалмов ***М.В. Ломоносова.***

К разделу III

История развития явления поэтических переложений псалмов

Стихотворные переложения псалмов М.В.Ломоносова.

Стихотворные переложения псалмов **Михаила Васильевича Ломоносова**, как известно, высоко оценил А. Пушкин. Характеризуя поэтический «слог поэта XVIII в. как «ровный, цветущий, живописный», проистекающий «от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным», Пушкин особо подчеркнул, что «переложения псалмов и другие сильные и близкие

подражания высокой поэзии священных книг суть его (Ломоносова) произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему...

Пушкинская оценка оказалась пророческой. Стихотворные переложения псалмов Ломоносова, действительно, пользовались известностью, на них ориентировались современники и потомки.

И.З. Серман, вписывая переложения псалмов Ломоносова в русло национальной традиции, рассматривал их как «переходный мост, соединительное звено между поэзией «книг церковных» и новой русской поэзией», видел в переложениях поэта стихотворения, которые «показывают человека в обществе», «страстное, гневное обличение несовершенств человеческой жизни как жизни общественной». В то же время изучение собственно ломоносовских отступлений от славянского источника дало возможность ученому поставить принципиальный вопрос о личностном характере переложений поэта-классициста, имеющих, по мнению исследователя, «совершенно ясный автобиографический подтекст» и отражающих «судьбу самого поэта и судьбу человека вообще».

В исследовании Л.Ф.Луцевич обращается внимание на соединении сакрального и профанного (светского, эстетического) как особенности, отличающей поэзию М.В.Ломоносова. Автор отмечает, что «Ломоносов, изучив все доступные ему летописные материалы, воспринимает и интерпретирует православие многогранно: как поэт - образно, тонко, лаконично, как глубоко верующий человек, сознающий тайны Божественного Откровения, как христианин-богослов, соблюдающий догматы, опирающийся на истолкования св. Отцов. Ломоносова поражала, удивляла, восхищала соразмерность мира, его красота, удивительный порядок, определяемые творческий силой и величием Господа. Вера христианская, в представлении поэта, обращается к человеку прежде всего как к существу падшему и предлагает ему спасительное врачевание в таинственном соединении человека с Богом через Христа и во Христе. «Вера несомненная», по Ломоносову, - это и убеждение разума, и открытость человеческого сердца Богу, и чуткое внимание к Его Слову, и ответ на Его призыв».

В.А.Котельников отметил, что «с точки зрения мастерства воспроизведения патетического библейского стиля ломоносовские переложения ... не имели себе равных ни в XVIII в., ни позднее». Характеризуя способ переложения псалмов Ломоносова, ученый подчеркнул: «метод Ломоносова заключал в себе предпосылки для проявления авторского «я» в пределах данного жанра», совершенно справедливо указывая на то, что «именно ломоносовские переложения псалмов несут в себе предпосылки формирования *интимной лирики как средства духовного самовыявления*».

Вот почему прав был К.С. Аксаков, когда в середине прошлого века писал: «Ломоносов был автор, лицо индивидуальное, первый, восставший как лицо из мира национальных песен, в общем национальном характере поглощавших индивидуума; он был *освободившийся индивидуум* в поэтическом мире, с него началась *новая полная сфера поэзии, собственно так называемая литература*».

Ломоносов, будучи человеком религиозным, для которого бытие создано Богом и «христианская вера стоит непреложна», никогда не отделялся от христианства. Об этом свидетельствуют различные факты и, в частности, изложение им сути «православного закона»: «*Верою несомненною, по откровениям прозорливых святых мужей,... признаем и исповедуем единого Господа Бога Вседержителя, коего всесильным словом создано, украшено и утверждено великое строение всего мира. Им сияет солнце, луна и звезды, разливаются моря и реки, плодоносит земля, дышут ветры; ему дождь и ведро, облаки, роса, снеги и мразы служат поведенным чиноположением, молния и гром возвещает гнев его земнородным. Всякое дыхание на земли, в воздухе и в пучине, от величайших китов даже до слабого пресмыкающихся рода, проповедуют Создателеву неисповедимую премудрость и силу. В таком великолепном здании поселил Бог жителя, образ неизреченныя своея славы, человека. Но он преступлением заповеди устроенного себе наследия рая лишился. К исправлению падения ни посланный всемирный потоп на землю, ни огнем истребление Содома и Гоморы, ниже чудное изведение своего Израиля сквозь Чермное море. Ни благодеяния, ни казни не могли способствовать,*

ибо не токмо языки, не ведующие истинного Бога но ниже избранный тогда народ еврейский, знамениями и чудесами уверенный, ходил по его повелениям. Для соделания спасения от погибели человеческого рода нужно было божеское на землю нихождение, о чем предвозвещали пророки, изгнание и убиение пострадав от жестоковыйного народа. Наконец воплощенный Сын Божий, Отцу и Духу единосущный, от чистыя девы происшел в земли Еврейской. Многочисленными чудесами, гласом от небес Отеческим и Духа Святаго сошествием, воскрешением мертвых, наконец, по вольном страдании и смерти от гроба тридневным восстанием и на небеса вознесением ... просветил языки, не знающие истины...».

Ломоносов - представитель эпохи Просвещения, шел по пути секуляризации и на этом пути неизбежно отдалялся от церкви. Поэт-ученый настойчиво проповедовал «идею мира между наукой и религией». В поэзии 40-х гг. *(«Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», «Утреннее размышление о Божием величестве»)* Ломоносов сделал научное познание формою религиозного опыта, поэтически продемонстрировав тот факт, что естественно-научные интересы не противоречат вере в Творца мироздания и Его законов, а наоборот, способны дополнить и укрепить ее.

В способностях человека познавать сложнейшие явления природы Ломоносов видел волю Всевышнего. Преклоняясь перед созидательной премудростью Бога, «с горячим усердием» он приносил Ему свое «моление», восторженно благодаря Господа за возможность «отверстии и откровении толиких естественных тайн, которыми Он всещедро благословил наши дни». Стихотворение завершалось риторическим вопросом:

Скажите ж, коль велик Творец?

«Утреннее размышление...» удивительным образом соединило научные познания, воплощенные в мощном поэтическом образе солнечной громады, с религиозным благоговением перед величием Создателя в единую молитвенную хвалу произволению Божиему:

Сия ужасная громада,

Как искра, пред Тобой одна.

О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжена...

Творец, покрытому мне тьмою
Прости премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь.

Прославляя величие Творца, поэт опирается на научные «откровения» - открытия современной ему астрономии. Наука становилась для него союзницей в осознании премудрости Божией, в познании Его творений. Интересно и то, что поэт-ученый при описании научной проблемы - природы происхождения света, использует фрагмент из библейского псалма: «*Небеса поведают славу Божию. Селение свое положил он в Солнце»* (Пс.18:2, 5), В псалме «сияние Божества своего показал яснее, нежели в других тварях». Солнечный свет для Ломоносова - это не только физическая реальность, но и некий символ распространения Божественной благодати.

Стремление представить богатство, красоту, гармонию мира, величие природы, всей вселенной и тем самым утвердить могущество, мудрость и вездесущность Творца этого мира — Создателя совершенной природы, пронизывает научные и поэтические «размышления» русского автора. Человек должен занять свое настоящее место - место творения Господня. Смиренный, терпеливый, безропотный, он должен помнить, что все получил от Господа; ему необходимо осознавать свое бессилие, понимать, что он грешник, *«раб, ничего не стоющий»*. Но вместе с тем человеку дано знать, что сердце смиренного открыто Божьей благодати, спасающей его: *«смиряйся и найдешь благодать у Господа»* (Сир.3:18). Человек верующий обретает путь упования, прогоняет страх, надеется на помощь Творца. Этими чувствами пронизана и псалтырная поэзия М.В.Ломоносова.

М. Ломоносов, в отличие от своих современников - Тредиаковского и Сумарокова - всей Псалтири не переложил. Впервые обратился к псалму как явлению поэтическому в 1743 г. в связи с «состязанием» по вопросу теоретическому - о предпочтительности в русском стихе ямбической или хореической стопы. Хотя, вероятно, замысел полного перевода древней лирической книги у поэта возникал. Во всяком случае, в известном письме к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г. он разъяснял: «Совет Вашего превосходительства о преложении псалмов мне весьма приятен, и сам я давно к тому охоту имею, однако две вещи препятствуют. Первое - недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука, для которой я был нарочно в Саксонию посылан, также химия и физика много времени требуют <.,,>; второе - опасение, ибо я не смею дать в предложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют».

После переложения в 1743 г. 143 псалма в течение последующих 40-х гг. Ломоносов переложил 14-й, 116-й и 145-й псалмы, затем, в 1749 г., начал, но не закончил упомянутый 103-й, а в самом начале 50-х гг. - 1-й, 26-й, 34-й, 70-й. Одна часть псалмов была опубликована в *«Риторике»* 1748 г. (14,116 и 145), другая (1, 26, 34, 70) появилась в собрании сочинений автора в 1751 г. Как видно, внимание Ломоносова привлекли всего 9 псалмов.

Д.К. Мотольская утверждала, что Ломоносов руководствовался биографическими факторами, определившими тематический выбор псалмов для стихотворных переложений. Она подчеркивала, что «большинство из <...> преложений (7 из 9) посвящено теме борьбы с врагами» и обращала внимание на то, что самая тема актуализирована событиями жизни поэта в конце 40-х - начале 50-х гг., когда ему было «особенно тяжело и несносно из-за интриг и недоброжелательства «врагов» - руководителей Академии наук Шумахера и Теплова. Поэтому так привлекала поэта тема сокрушения «злобных», «грешных», «нечестивых».

Псалом 14, привлекший внимание Ломоносова после длительного перерыва, описывает праведника, достойного того, чтобы обитать в жилище Господнем. Он

честен, искренен, соблюдает данные им клятвы, никогда сам не клевещет на людей, не делает своим ближним зла.

Пять стихов 14 библейского псалма - *«1. Господи, кто обитает в жилище Твоем? Или кто вселится во святую гору Твою? 2. Ходяй непорочен и делали правду, глаголяй истину в сердце своем. 3. Иже неульсти языком своим и не сотвори искреннему своему зла, и поношения не прият на ближний своя. 4. Уничижен есть пред ним лукавнуяй, боящыя же ся Господа славит, кленыйся искреннему своему и не отметаяся 5. Сребра своего не даде в лихву и мзды на неповинных не прият. Творяй сия не подвижится во век»,* поэт переложил также пятью катренами чередующихся четырехстопных и трехстопных хореев с перекрестной рифмовкой. Это, кстати сказать, единственное переложение, для которого поэт применил четырехстопный хорей. «Нежность» этого размера (что оспаривал Тредиаковский в 1743 г.) и придала ему естественную легкость. В первой же строфе поэт стремился воспроизвести и обращение, и вопросительные слова, и интонацию, и даже синтаксическую конструкцию славянского текста:

Господи, кто обитает

В светлом доме выше звезд?

Кто с тобою населяет

Верх священный горних мест?

Наблюдается почти полная идентичность строфы первому стиху оригинала. Но далее используются парафразы, где вместо «жилища» - введен «светлый дом выше звезд», вместо «святой горы» - «верх священный горних мест», давшие возможность уже несколько иной интерпретации. Появляются мотивы светлого дома Бога - Света, звезд - небесных светил. Если человек праведен, то ему уготована жизнь в свете горней Божественной благодати. В псалме на вопросы, поставленные в первом стихе, ответ дается всеми последующими стихами. Эта же структура использована и в стихотворении поэта. В псалме указан перечень качеств, необходимых богопослушнику для обитания в «жилище» Господа, определен образ жизни праведника, характер поведения «гражданина небеснаго царствия». И Ломоносов, наделяя «одного многими жизненными свойствами», дает свой стихотворный вариант псаломного инварианта, решая при этом задачу «риторического упражнения»:

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно,
Как устами, говорит;
Кто языком льстить не знает,
Ближним не наносит бед.
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед;
Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышняго рабов
И пред ним душею правых,
Держится присяжных слов;
В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот вовеки не падет.

Ломоносов создает поэтический образ идеального праведника, который не подвержен пороку, никогда сам не лжет и презирает лживых, не делает людям зла, никогда не дает денег в рост, не принимает даров от невинных, он любит богоугодных, хранит правду в нельстивом сердце своем. Своей земной жизнью он по праву заслужил «светлый дом» - жизнь вечную. Стихотворение воспроизводит дух и лексику оригинала, включая при этом дополнительные мотивы, вытекающие из смысловой сути самого псалма. Важно то, что стихотворение оказалось необыкновенно выразительным с позиций эстетических. Неслучайно его формальные характеристики будут многократно повторены многими русскими поэтами. Так, Сумароков также переложил 14 псалом хореем и также использовал пять катренов с перекрестной рифмовкой, причем складывается впечатление, что поэт не столько перелагал славянский текст псалма, сколько предлагал свой вариант риторического упражнения, ориентируясь при этом на стихотворение Ломоносова. Ср.:

Кто, о Боже! обитает
Во селении Твоем;
И на гору возлегает
Духом во жилище сем?

Той, кто ходит беспорочен,
Правду мыслит и творит,
В добродетели, кто точен,
То, что мыслит, говорит.

Кто языком не клевещет,
Зла не делает другим,
В поношениях не блещет,
И мерзя не внемлет им.

Кто злодеев презирает,
Что достойных он людей,
Данных слов не попирает,
Клятвы держится своей.

Совестен и мзды не емлет,
В лихву не дает сребра,
Истинне единой внемлет,
В ней одной ища добро.

Переложение 116 псалма было введено в *Риторику* для подтверждения риторического положения о том, что «иногда следствие напереди полагается, а посылка к ней присовокупляется, как причина». Такое расположение поэт увидел в псалме116. 116 псалом, повелевающий песнословить Благодетеля, - самый короткий в Псалтири. Он состоит всего из двух стихов, где причина, действительно, расположена после следствия: *«1. Хвалите Господа еси языцы, похвалите Его, еси людие, 2. яко утвердися милость Его в нас, и истина Господня пребывает во век».* Ломоносов переложил эти стихи в четверостишье, использовав при этом (единственный раз) шестистопный ямб и парные рифмовки:

Хвалите Господа, всея земли языки,
Воспойте Вышняго, вси малы и велики,
Что милость Он свою вовек поставил в нас,
И истина Его пребудет всякий час.

Поэт уходит от тавтологии («хвалите», «похвалите»; «вси языцы», «вси людие») псалма, использует контекстуальные синонимы, парафразы («хвалите», «воспойте»; «языки», «вси малы и велики»). В результате при всей близости ломоносовского стихотворения к славянскому оригиналу это не перевод (как и предыдущий и последующий тексты), а его поэтическое истолкование - интерпретация.

И переложение аллилуйного 145 псалма задумывалось для иллюстрации умозаключения. Автор указывал: «первая посылка разделительного силлогизма может быть отставлена, и вместо оной положен быть краткий приступ, как то видно в псалме 145-м, которой основан на следующем разделительном силлогизме: *«Или уповать на бога, или на князей, сынов человеческих; но уповать на них ненадежно; следовательно, лучше уповать на Бога».* Для яснейшего понятия прилагается оного псалма Парафрастическая ода». Десять стихов 145 псалма Ломоносов переложил восьмью катренами четырехстопного ямба с перекрестными рифмовками. При этом он объединил в пределах одной строфы первый и второй стихи: *«1. Хвали, душе моя, Господа. 2. Восхвалю господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь»,* таким образом:

Хвалу Всевышнему Владыке
Потщися, дух мой, возсылать;
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дыхать,

а также два последних стиха - девятый и десятый: «9. *Господь хранит пришельцы, сира и вдову приимет и путь грешных погубит. 10. Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род»:*

Господь пришельцев сохраняет,
И вдов приемлет и сирот
Он грешных дерский путь скончает,
В Сионе будет в род и род.

В обоих случаях поэт практически дословно передал содержание псалтирных стихов, в принципе ему достаточно двустишья для передачи одного стиха оригинала. В тех же случаях, когда он использовал четверостишье для передачи содержания одного стиха, обязательно появлялись некоторые дополнения. Так, например, третий стих: *«Не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения»,* был переложен так:

Никто *не уповай* во веки
На тщетну власть *Князей* земных:
Их те жь родили человеки,
И нет спасения от них.

Как видно, пафос и содержание библейского стиха воспроизведены (см. выделенное курсивом) довольно точно. Но самая строфа давала возможность вводить дополнительные темы (например, тему власти), оценочные характеристики *(тщетна* власть), использовать парафразы (вместо «*сыны человеческия*» - «Их те ж родили человеки»), усиливать отрицание (вместо двух отрицаний: *не надейтеся, несть спасения,* - три: «никто», «не уповай», «нет спасения». Все это делало стихотворение Ломоносова и достаточно близким к источнику, и несколько отличным от него, и учебно-утилитарным, демонстрирующим определенный силлогизм, и высокохудожественным, выразительным, эмоциональным одновременно.

Кстати, можно отметить, что наиболее широкую известность из ломоносовских стихотворений получило именно переложение 145 псалма. В свое время известный академик А.В. Никитенко отмечал в *«Дневнике»:* «Теперь, когда я пишу о Ломоносове - о художественном характере его творений, у меня вдруг ожило воспоминание о том, каким уважением пользовался он во времена моего детства среди массы простого народа. Имя Ломоносова как поэта было известно, по крайней мере между малороссиянами, всем сколько-нибудь грамотным людям. Мне было лет десять или одиннадцать, когда однажды зашли к нам в хату два бродячих слепых певца и просили у моего отца позволения пропеть гимн». Этим гимном и был 145-й псалом в переводе Ломоносова.

По-иному создавалась вторая группа переложений (1, 26, 34, 70 псалмы), датируемая началом 50-ых г.г. Применительно к стихотворениям данной группы как раз небезосновательно употребляются такие категории, как «автобиографизм» (события, поступки, реакции, соотносящиеся с биографическим автором), авторское «я» (средоточие индивидуальности, субъект, способный мыслить, познавать, переживать, оценивать, действовать, решать, брать на себя ответственность и т.п.), «личностность» (совокупность качеств внешнего и внутреннего свойства, а также определенные способности, присущие индивиду).

Что же характерно для переложений этой группы?

Псалом 1 содержит сущностные концепты Псалтири, он является своего рода первоначалом и основанием для всей книги древнейшей библейской лирики.

В псалме нашли воплощение важнейшие концепты ветхозаветных книг: *блаженство, праведность, грех, нечестие, закон Божий, воля Божья, суд Божий, путь добра, путь зла*.

Первый стих: *«1. Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе»,* как и каждый из последующих стихов этого псалма, Ломоносов переложил соответствующим катреном четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой. Поэт ввел некоторые добавления, сохранив при этом пафос и основной смысл стиха:

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.

Сохранение на первом месте ключевого для всей Псалтыри слова «Блажен» («блаженство»), которое предполагает не просто стремление человека к счастью, спасению, благословлению, покою, но и следование путям Божьим (Пс.1:1), хождение в Законе Господнем (Пс. 118:1), слушание и снискание Премудрости, заботу о бедном (Пс.40:2), т.е. действенную праведность (псалом в святоотеческих истолкованиях может иметь подзаголовок: «Участь праведника и грешника», значимо, поскольку выдвигает на первый план тему «блаженного» - праведника, определяющую тональность переложений псалмов Ломоносовым. Композицию переложения, как и структуру самой Псалтири, определяет оппозиция: праведник - «блажен муж» и грешники - «нечестивые». В интерпретации поэта, в отличие от псалтырного текста, праведник более деятелен, он обладает неким активным началом, он руководствуется своими желаниями («не ходит», «не хочет»), которые, конечно же, совпадают и определяются Божьей волей, но по сознательному выбору псалмопевца. «Псалтырные «нечестивые» (беззаконники) у Ломоносова получили более эмоциональное и многозначное выражение — «злые» (см.: «злый» = 1) злой, дурной, худой, порочный, грешный; 2) приносящий зло, вредный; 3) низкий, бесчестный; 4) бедственный; 5) тягостный; б) насильственный; 7) жестокий»).

Так, тема зла, принципиально значимая для библейских книг, но не имеющая прямого словесного воплощения в псалме, зазвучала в стихотворении.

Второй стих: *«2. но в законе Господни воля его, и законе Его поучится день и нощь»,* который воплощает тему закона - библейских предписаний нравственного характера, был переложен поэтом относительно свободно. Сохранялся пафос псаломного стиха, но поэт включал новую лексику и, как следствие, появлялись новые мотивы. Поэту, видимо, важно было показать, что Божьему закону подвластна не только воля человеческая, но и мысль (разум):

Но мысль и волю подвергает
Закону Божию во всем,
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем .

Вместо двух псалтырных концептов — *закон, воля,* здесь присутствуют четыре: *мысль, воля, закон, сердце.* Мысль и воля подчинены Божьему закону, закон же в свою очередь наблюдается и проверяется сердцем. Сердце является источником сознательной человеческой личности, мыслящей и свободной. Бог дал людям «сердце, чтобы мыслить». Оно предстает местом окончательных решений, неписаного закона, таинственного действия Божия. Сердцем человек встречает Бога.

Большую часть третьего стиха: *«3. И будет яко древо, насажденное при исходищих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет»* Ломоносов переложил почти дословно, не воспользовавшись «художественными», изобразительно-выразительными возможностями псалтырного стиха:

Как древо, он распространится.
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

Лишь концовка стиха: «и *вся, елика аще творит, успеет»,* получила развитие и распространение у поэта:

Он узрит следствия поспешны
В незлобливых своих делах...

При переложении четвертого стиха: *«4. Не тако нечестивый, не тако, но яко прах, егоже возмещает ветр от лица земли»,* непосредственно воплощающего тему «нечестивого», который не имеет связи с Всевышним, не знает Его поддержки, и потому он подобен праху, и ветер «возметает» его, Ломоносов ограничился всего двумя стихами, вновь отказавшись от характерных библейских повторов:

Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

В пятом стихе: *«5.Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных»,* затрагивающем тему Божьего Суда, которому подвластны все люди на земле, Ломоносов также возвращается к теме «злых», в этой строфе — «злодеев»:

И так злодеи не возстанут
Пред Вышняго Творца на суд;
И праведны не воспомянут
В своем соборе их отнюд.

Шестой стих: *«6. Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет»,* завершающий псалом, утверждает значимую идею: Господь руководит жизнью праведных, а путь нечестивых гибелен. Путь праведных - это путь добра, прямой и совершенный, он состоит в том, чтобы творить правду, быть верным истине (Пс.18:30); это путь жизни, обеспечивающий благоденствие. Путь нечестивых - это путь зла, превратный путь, по нему следуют глупцы, грешники (Пс.1:1); он ведет *к* погибели (Пс.1:6). Поэт сохранил смысл шестого стиха, но интерпретировал его несколько по-своему, введя библейский символический образ «ока Господня»: Бог «*видит под всем небом сынов человеческих*» (Пс.32:13):

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

Таким образом, тема блаженства праведников и тема гибели — неминуемого возмездия - грешников («злых», «злодеев») на их «злобном пути» получила свое логическое развитие и завершение. Как видно, Ломоносов, перелагая псалом, воспроизводит его структуру, движение мыслей, развитие тем, эмоциональное наполнение, но вместе с тем перед нами *авторское* стихотворение со своей сложной проблематикой, образностью, стилистикой.

В последующих переложениях (26,34,70 псалмы), где отчетливо прослеживается тема страдающего, уповающего на Господа псалмопевца, преследуемого врагами, мы также видим проявление личностного начала.

Псалом 26 начинается с обращения к Творцу: *«1.Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюся; Господь защититель живота моего, от кого устрашуся»,* и Ломоносов сохраняет простоту и интимность в обращении к Богу, присущую псалмам:

Господь, Спаситель мне и свет:
Кого я убоюся?
Господь сам жизнь мою блюдет:
Кого я устрашуся?

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к Тебе взываю,
И сохрани на всякий час;
К Тебе я прибегаю.

Настави, Господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

С первой строфы поэт активно использует в своем переложении лирическое «я»: Кого я убоюся?/ Кого я устрашуся?/ Но я не ужасаюсь/ Я только от Творца прошу.../ Я, жертву принося, зову.../ К Тебе я прибегаю./ Я к свету Твоего лица.../ Я чаю видеть на земли...

При переложении десятого стиха: «*Яко отец мой и мать моя остависта мя; Господь же восприят мя*» поэт допускает отступления:

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве;
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве .

Вольно или невольно, но уточняющее обстоятельство («в младенстве»), отсутствующее в оригинале, делает стихи действительно автобиографическими. И применительно к этому «сюжету» прав был Б.О. Корман, когда писал о том, что «я» поэта «выступает в переложениях как определенная личность...».

Псалмы привлекали Ломоносова, по-видимому, разными своими сторонами : и возвышенным строем мысли, и остротою чувства, и образностью, и напряженным лиризмом... Он воспринимал их как явление одушевляющее, религиозное и эстетическое одновременно. Для Ломоносова псалмы явились своего рода школой религиозного самосознания и школой высокой поэзии.

Следует упомянуть и о характере структурирования ломоносовских переложений. Если вернуться к авторскому расположению текстов в сочинениях 1751 г., то мы увидим, что в таком варианте стихотворные переложения псалмов представляют собой «единый поэтический цикл, состоящий из семи стихотворений, центральной темой которого является тема пути, где первое стихотворение (1) заявляет о возможности для человека двух путей — праведном и грешном; второе (14) воплощает тему праведного пути, соотносящуюся с темой «светлого дома», который населяют благочестивые; третье (26) утверждает, что «я», противостоящий злым врагам, — безусловно, праведник и достоин «в храм Его вселиться»; четвертое (34) призывает «судить обидящих», преследующих праведника; пятое (70) славословит Господа, ставшего опорой праведнику от его рождения до глубокой старости; шестое (143) убеждает в том, что только благодаря благочестивой вере возможны удивительные победы над могущественными врагами; седьмое (145), перекликаясь с первым, утверждает вечные нравственные ценности жизненного пути блаженного праведника, поддерживаемого Господом, и неизбежную

гибельность пути «дерзких грешников». Этот цикл стихотворных переложений, как справедливо было отмечено, действительно «один из самых ценных вкладов Ломоносова в сокровищницу русской лирической поэзии». Как форма лирической организации текстов, так и ее тематическое наполнение окажутся у *истоков дальнейшего развития русской поэзии*.

Сами же ломоносовские переложения (по принципу не только притяжения, но и отталкивания), безусловно, оказали влияние на стихотворные переводы псалмов прежде всего его соратников-соперников — Тредиаковского и Сумарокова.

К разделу IV
История развития явления поэтических переложений псалмов
«Псалтирь» В.К.Тредиаковского

В.К. Тредиаковский – безусловный авторитет не только в литературе XVIII века, он оказывал плодотворное и благотворное влияние на русскую словесность и в XIX столетии. Если Г.Р. Державин признавался: «Правила поэзии почерпал я из сочинений Тредьяковского», – то А.С. Пушкин в 1834–1835 годах более подробно обозначал место автора «Телемахиды» в отечественном литературном процессе: «Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. <...> Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей».

Действительно, Тредиаковский был в ту эпоху лучшим ученым-филологом в России. Наиболее интересны работы Тредиаковского, посвященные поэзии. Возникновение поэзии связывает он с богослужением. Первая и важнейшая цель поэтического слова – это ***возношение человеческого духа к Творцу***. Слово священника, обращенное к «высшему Существу», по мнению Тредиаковского, должно было отличаться от обыденной речи «нежной сладостью», чтобы «внедряться во внутренность сердец». Такая

«сладость», по мнению автора, могла быть достигнута только упорядоченной ритмической организацией стиха: «различием в словах долгих и кратких слогов», «повторением определенныя меры». Значит, в отличие от поэзии, которая является даром Божиим, стих изобретен самим человеком для славословия Бога. Поэзия, соединившись со стихом, приобрела, наряду со свойственной ей изначально богодухновенностью, эстетически «совершенную сладость и красоту». Так, согласно Тредиаковскому, в человеческой истории сформировалась, а затем и более всего прославилась именно «Стиховная Поэзия». Ее значимость определялась, прежде всего, тем, что «ею превозносится Божество; ею прорицается истинно от правых, ложно от льстецов; ею преподаются наставления о добродетельном житии; ею и законы преднаписуются: словом, все самое важное и превеликое ею объемлется».

Развитие поэзии определялось, по Тредиаковскому, деятельностью пророков. Однако выделялся особым даром Господним среди всех древнееврейский царь и пророк Давид - сочинитель божественных псалмопений, в которых «блещет своим величественным сиянием оная существенная поэзия, возбуждающая благополучные страсти, умиляющая сердца, а не прельщающая, угождающая нам, а не благоприятствующая нашим слабостям, пригвождающая вас, но не забавляющая сказаниями беспутными и смешными, подающая наставления без отвращения от себя, приводящая нас в познание Бога, но не представляющая Его изображениями недостойными божества, удивляющая нас всегда, но не водящая между пустыми чудесностями. Будучи приятна, и всегда полезна, благородна смелыми своими изглашениями, живыми начертаниями, а больше еще проповедуемою и возвещаемою истинною, она одна достойна именоваться Божиим языком».

В 1743 г. по инициативе А.П. Сумарокова, были изданы «Три оды парафрастические из псалма 143», авторы - М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский. Это поэтическое состязание для

Тредиаковского стало началом работы над переложением псалмов. Работу над полной Псалтирью Тредиаковский начал в 1750 г., а закончил в 1753 г.

В 1752 г. во второй книге своих «Сочинений» Тредиаковский опубликовал девять стихотворных переложений псалмов: 1, 6, 18, 42, 51, 78, 111, 136, 139 [21, 2, 63-89]. Переложения входили в раздел *«Оды Божественные»,* имели жанровое обозначение - *«Ода»,* дополнительное жанровое определение - *«Парафразис псалма»,* а также обязательное название (например, *«Блажен муж»* в переложении первого псалма).

Еще через год к изданию была подготовлена объемная рукопись *«Псалтирь, или книга Псалмов блаженного пророка и царя Давида переложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песнями от Василия Тредиаковского в Санкт-Петербурге. 1753»,* но по неясным причинам в свое время она опубликована не была. В 1976 г. было издано всего пять переложений (14, 81, 103, 116, 145) из этого объемного труда. И только в 1989 г. *«Псалтирь»* поэта, благодаря усилиям американского исследователя А. Левицкого, вышла в свет целиком.

Работа над Псалтирью была для Тредиаковского серьезным умственным и духовным трудом. «В процессе своей парафрастической деятельности, - пишет Луцевич, - поэт основательно изучил не только сами источники - славянский и греческий тексты, переводы с еврейского на латинский и французский языки, но и богословские толкования псалмов». Поэт пишет о том, что почувствовал «очищение сердца» в процессе работы. «Все обоняю в Псалмах Велико, Величественно, Велилепно! Все дышащее Божиим Духом, благоухающее Святостию, и вещающее Божественным красноречием ощущаю! В них красуется Небо со златозарными Светилами… в них земля в заклепах своих и твердынях, с горами и холмами скачет; в них море с безднами играет, а реки и источники в веселии плещут…В них вся тварь трепещет присутствия Владычня…неизреченную Благость превозносит, пред Величеством Его благоговеет: в них все хвалит Господа и хвалится само своим преверховным Содетелем и Царем». Только в псалмах, по признанию поэта, он увидел

подлинную поэзию, во всей своей необыкновенной силе воздействующей на человека, вызывающей его трепет, восторг и восхищение.

Перелагая Псалтирь стихами, Тредиаковский убежден, что его «труд» принесет несомненную «пользу», и прежде всего - отвратит от чтения «без разумения», избавит читателей от манеры поспешного, «борзого прочтения Псалмов», к которой они привыкли в результате механического «многократного повторения» псалтырных богослужебных текстов.

Книга предваряется молитвой, обращенной автором к Святому Духу: «Святый Душе! глаголавший Пророками! и давший Псалтирь Соборной Твоей и Апостольской Церкви в толикую потребность… Сотвори, да сие Преложение в Стихотворную меру Давидовых Псалмов, вдохновенных ему древле Тобою, начатое мною ныне и оконченное, не для тщеславнаго оказания искусства, но вящаго ради прославления Божеству, да сие молю, Преложение, послужит Христоверным читателям российскаго племени в созидание истиннаго разума о Тебе, и в приращение им Благодати Твоея; а мне потрудившемуся, о! Утешителю Благий в очищение сердца, и в обновление Духа в моей утробе. Буди! Буди!».

Переложения Тредиаковского исполнены духовного воодушевления, поэт не только глубоко чувствовал поэтичность Псалтири, но, и самое главное, богодухновенность псалмопевца. В предисловии к своему переложению полной Псалтири Тредиаковский писал: «*Итак, пламень горящий к Псалмам во внутренности моей, почел я за некоторое тайное мне побуждение к сему переложения делу, а почетши так, и преложил, при Божиим поспешествовании, все Псалмы лирическим стихом …*».

Хвалите Бога за святыню,

Хвалите за пространство сил,

Хвалите дел за благостыню,

Хвалите, что их утвердил.

Это переложение псалма 150, написанное поэтом в 1753 г., выполнено довольно близко к тексту оригинала. В Псалтири: «*…хвалите его во гласе трубнем, хвалите его во Псалтыри и гуслех, хвалите его в тимпане и лице, хвалите его во струнах и органе…*».

Хвалите в гласе труб и сличий,

Хвалите в гуслях вы Того.

Хвалите в лике и в тимпане,

Хвалите звона в красоте,

Хвалите в струнах и органе…

Очевидно, что Тредиаковский старается в этом переложении держаться как можно ближе к библейскому тексту. Поэт практически не использует собственных художественных средств, ограничиваясь теми оборотами и приемами, которые имеются в тексте псалма: он, например, сохраняет единоначатия строк. Таким образом, перевод псалма 150 является, в сущности, точной передачей текста Псалтири.

Несколько иным образцом деятельности Тредиаковского по переложению «Песен Давида» является, например, парафраз псалма 6. Начинается он так:

О! не ярости во время,

Господи, мя обличи;

Зол же всех за тяжко бремя

И за многое тех племя

В казнь не в гневе повлачи.

Но помилуй попремногу

Изнемогшаго меня:

Кости страждут муку срогу,

Покажи к цельбе дорогу,

Боже! вопию стеня.

В Псалтири: «*Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене. Помилуй мя, Господи, яко немощен есть, исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя»*. Здесь налицо не просто дословная передача в стихотворной форме текста Псалтири, а некоторое творческое переосмысление его. Тредиаковский не просто передает в стихах текст Псалтири – он развивает каждую из строчек оригинала. Это не просто художественная переработка, свойственная Ломоносову – то есть,

привнесение своих художественных средств (хотя, несомненно, в переложениях Тредиаковского есть и это); это не отступление от прямого текста и интерпретация его соответственно собственным мыслям (что характерно для того же Ломоносова) – это именно развитие, продление, продолжение мыслей, которая несет каждая строка «Песен Давида». Например, один из стихов псалма 6, звучащий в оригинале так: «*Отступите от мене, вси делающии беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего*» [6: 7] - звучит у Тредиаковского так:

Отступите прочь, лукавцы:
Богом вопль услышан мой.
Отступите все тщеславцы
И вы, лжи за правду давцы,
Злобе преданны самой.

Развитие стиха налицо. В сущности, передача смысла строки Псалтири заканчивается с первыми двумя поэтическими строчками приведенной строки:

Отступите прочь, лукавцы:
Богом вопль услышан мой.

Однако Тредиаковскому не просто передает стих из Псалтири, он продолжает развивать высказанную псалмопевцем мысль, перечисляя те качества, которые, по его мнению, входят в библейскую формулировку «творящие беззакония». Таким образом, его переложение постепенно удлиняется: если в парафразе псалма 150 одна стихотворная строчка соответствовала одной (максимум, двум) строчкам из «Песен Давида», в переложении псалма 6 одному стиху из Псалтири может соответствовать 6-7 стихотворных строк переложения.

Именно из-за этой особенности переводов, свойственной Тредиаковскому, его переложение получилось более объемным, чем у Ломоносова и Тредиаковского. Например, начало псалма 143, в оригинале звучащее следующим образом: «*Благословен Господь Бог мой, научаяй руце*

мои на ополчение, персты моя на брань» [143: 1] - превращается у поэта в две строфы:

Крепкий, чудный, бесконечный,
Полн хвалы, преславный весь,
Боже! Ты един превечный,
Сый Господь вчера и днесь;
Непостижный, всеблаженный,
Совершенств пресовершенный,
Неприступна сокровен
Сам величества лучами,
И огнепальных слуг чинами,
О! будь ввек благословен.
Кто ин толь бы храбро руки
Без Тебя мне ополчил?
Кто б и пращу, а не луки
В брань направить научил?
Всуе меч извлечь бы в дело,
Ни копьем сразил бы смело,
Буде б Ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя,
Слабость мышцы укрепляя,
Сил Господь, и правды Бог.

Едва ли, конечно, это можно считать достоинством, поскольку из-за этого свойства переложения Тредиаковского приобретают некоторую размытость и отличаются трудностью восприятия. Однако с уверенностью можно сказать, что поэт, как и М.В. Ломоносов, выбирает *путь творческой переработки* псалма.

В том же переложении псалма 6 встречаются такие строки:

Нет по смерти таковаго,
О Тебе б кто вспомнить мог;

Возблагодарить за благо

И за все, что в жизни драго,

Кой во гробе есть предлог?

Им соответствуют такие слова в Псалтири: «*Яко несть в смерти поминаяй Тебе: во аде же кто исповестся Тебе?*»

Здесь намечается не просто развитие мысли, намеченной в псалме, а даже некоторое отступление от прямого текста. Так, в переложении отсутствует слово «ад», которое встречается в тексте Псалтири.

Поэт не наполняет свои парафразы собственными мыслями, настроением, как это делал Ломоносов, он идет по своему пути, в меру сил своих продляя и развивая в переложениях мысли, высказанные в Псалтири. Тредиаковский стремился к соединению сакральной душеполезности со светской художественностью в литературе. Свои главные добродетели автор видел в соединении литературных талантов с благочестием и смирением. Он, как древнерусские книжники, воспринимал самого себя в качестве посредника между Богом и человеком, считал свой труд инспирированным не столько поэтическим, сколько молитвенным вдохновением. Согласно представлениям автора, его сочинение, не отделяясь от вероучения, носит преимущественно прикладной характер, и его полезность определяется тем, что способствует спасению души человеческой.

К разделу V

История развития явления поэтических переложений псалмов

Духовные стихотворения А.П.Сумарокова

Подобно своим предшественникам, переводил, а вернее, перелагал в стихах псалмы и **А.П. Сумароков**. Александр Петрович Сумароков был глубоко проникнут идеей дворянского достоинства, чести, свободы. Он был воспитанником Шляхетского кадетского корпуса, первого общеобразовательного учебного заведения, целью которого было формирование типа нового дворянина, культурного человека с широкими интересами. Вся деятельность Сумарокова прошла под знаком служения

новому дворянству. Он верит, что словесность – это великое воспитательное орудие. Писатель служит обществу, он воспитывает людей нового типа – людей чести и ответственности. «Воображение рисовало ему, - пишет В.М.Живов, - роль создаваемой литературы как инструмента совершенной гармонии, а литератора – как творца, стоящего при дверях царства справедливости и разума». Сумароков является наиболее последовательным выразителем в нашей культуре принципов классицизма. Классицизм для него – это именно воспитательное искусство. Его цель не отобразить реальную действительность, а создать ее разумный идеал, с тем чтобы читатель мог этим идеалам следовать. Современники Сумарокова, превозносившие его басни, считавшие его трагедии достижением европейской литературы, почти ничего не говорят о том обширном разделе его поэзии, который он назвал «Духовные стихотворения». Под этим названием вышло написанное им почти полное переложение Псалтири. Но Сумароков дал **новое направление этому жанру**. В отличие от Тредиаковского, Сумароков создавал не столько переложения, сколько вариации на тему библейских текстов.

Важнейшая идея Сумарокова – нравственное очищение, цель которого – построение идеального общества на земле, общества, которое помнит Бога, но не мыслит об иных мирах, удовлетворяясь стремлением к земному благоденствию. Бог для Сумарокова – это нравственный наставник, помогающий человеку достойно устроить свою жизнь здесь, на земле. У него над всем довлеет тема социальная. Его духовные стихотворения - это лирические песни о человеке, изнемогающем под бременем жизни и ненавидящем порок.

Не уповайте на князей,
Они рождены от людей,
И всяк по естеству на свете честью равен,
Земля родит, земля пожрёт:
Рождённый всяк рожден умрёт,
Богат и нищ, презрен и славен…

О своей борьбе со злодеями и тиранами, о своей верности идеям правды и добра, о славе добродетели повествует Сумароков в отвлечённых, но эмоционально насыщенных образах псалмов.

В псалмах Сумарокова заметно личностное начало. Переводы Псалтири не были для стихотворца чем-то второстепенным, только парафрастическими упражнениями в стихосложении, - скорее всего, поэт обращался к Псалтири в тяжелые минуты жизни, в моменты скорби, наделяя библейских героев автобиографическими чертами, чтобы передать собственные скорбь, тревоги, волнения. Так, возможно, перипетии личной жизни поэта, вступившего в брак с крепостной и вследствие этого вынужденного прекратить всякие отношения с дворянской родней, отразились в строках переложения 145 псалма о естественном равенстве людей:

...И всяк по естеству на свете честью равен.

Земля родит, земля пожрет,

Рожденный всяк, рожден умрет,

Богат и нищ, презрен и славен.

Переложения псалмов Сумарокова отличаются богатством рифмовки и разнообразием размеров: например, переложение 145 псалма сочетает в себе четырехстопный и шестистопный ямб с пиррихием:

Не у /повай /те на /князей /

Они / рожден /ны от / людей /

И всяк / по ес /теству / на све / те че /стью ра /вен

Земля / родит /, земля / пожрет /

Рожден /ный всяк /, рожден / умрет /,

Богат / и нищ /, презрен / и сла /вен...

Этот псалом, возможно из-за своей антимонархической направленности, неоднократно перелагался как европейскими (Малерб), так и русскими поэтами (Ломоносов). Сумароков приглушил основной тон псалма, зато усилил общеморальную тенденцию.

Для переложений псалмов А.П. Сумарокова характерно, как это уже было замечено выше, необычное для русской поэзии построение и смешанная рифмовка:

Оставь злодеев в их делах,
Исчезнут: не ревнуй лукавым;
Падут и будут яко прах.
Живи на свете сердцем правым:
Прославится твоя глава,
Они увянут, как трава.

В этом переложении псалма 36 намечены все основные особенности творчества Сумарокова в этом направлении. Во-первых, нужно обратить внимание на то, что парафразу дается подобие названия. Это «Не ревнуй лукавнующым», т.е. в роли заглавия выступает первая строка из самого псалма: «*Не ревнуй лукавнующым, ниже завиди творящым беззаконие. Зане яко трава скоро изешут, яко зелие злака скоро отпадут…»* [36: 1-4]. Позже эта традиция будет продолжена Г. Р. Державиным, который, однако, на место начальных слов из текста Псалтыри поставит собственные оригинальные названия.

Текст переложения, как и всех остальных, довольно близок к тексту оригинала:

Не буди ты жестокосерд:
Будь щедр, не презирай убога;
Чти истину и буди тверд,
Смирен, и уповай на Бога.
Он в сердце праведно войдет,
Которое Его найдет.

Псалтирь: «*Уповай на Господа и твори благостыню, и упасешися в богатстве ея…*» [36: 5]. Однако при рассмотрении переложений псалмов, выполненных А. П. Сумароковым мы сталкиваемся с уже привычным нам поэтическим переосмыслением текста, его творческой переработкой. Автор

не изменяет текст псалма, но творчески интерпретирует, привнося выраженное личностное начало.

Сумароков явился достойным учеником Тредиаковского и Ломоносова. Его переложения псалмов, выполненные изящным, четким стихом с характерным построением строф, его эксперименты с формой и содержанием библейских текстов, явились новой ступенью развития в этой области творчества и оказали несомненное влияние на поколения поэтов, последовавших за ним.

К разделу VI

История развития явления поэтических переложений псалмов

Псалтирная поэзия Г.Р.Державина

Творчество Гавриила Романовича Державина занимает особое место в литературе Екатерининской эпохи. «Мощный, будто вытесанный из трудно поддающегося резцу камня или отлитый из грубого металла, стих его во всей русской поэзии есть явление исключительное, чудесное. Тот, кто окажется захваченным его необоримою силою, никогда уже не сможет (и не захочет) освободиться от власти звучания державинского слога. Пусть слог этот покажется кому-то местами чуть устарелым - и в самой архаичности своей всегда проявит он собственное величие», - пишет Дунаев.

Его фигура стала одним из символов того времени, когда Россия приобрела политическое могущество и стала одной из ведущих держав мира. При этом он никогда не хотел быть придворным стихотворцем и дежурным льстецом. Главные свои заслуги он видел в том, что первым

…дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Державин, как видно из этой его самооценки, оставался в русле классицистической ломоносовской поэзии, для которой есть две важнейшие темы: прославление правителя отечества и Правителя Вселенной. Особое

значение Державина в том, что он, с одной стороны, продолжает торжественную ломоносовскую традицию, ставшую магистральной для XVIII века, но с другой – преображает и разрушает ее, внося в нее элементы живого разговорного языка и сердечной эмоции. Поэт в своем творческом опыте осуществил «синтез двух путей русского классицизма: высокий стиль Ломоносова и легкий, сниженный стиль сумароковской школы».

Все традиции переложений псалмов воплощены в творчестве Г.Р. Державина. В поэтическом наследии Г.Р. Державина имеется много переводов и подражаний из «Псалтири», отзвуки ее нередко встречаются в стихотворениях поэта. Многие из его переложений так или иначе связаны с конкретными личными и общественными событиями. И как выразительны заглавия его стихотворений - «Властителям и судиям», «Счастливое семейство», «Победителю», «Радость о правосудии», «Братское согласие». У Державина иногда отсылка к соответствующему псалму отсутствует, хотя, несомненно, псалмы для поэта являлись запасом материала, откуда он черпал и мысли, и образы. Державин подчинял все это своим переживаниям, в переложениях поэта ярко выражено личностное начало.

Всего Державину принадлежит переложение более двадцати псалмов. Примечательны названия, которые он дал своим переложениям, например: «Праведный судия» (1789, Пс. 100), «Истинное счастье» (1789, Пс. 1), «Помощь Божия» (1793, Пс. 120), «На тщету земной славы» (1796, Пс. 48), «Желание в горняя» (1797, Пс. 83), «Братское согласие» (1799, Пс. 132), «Утешение добрым» (1804, Пс. 71), «На безбожников» (1804, Пс. 52), «Надежда на Бога» (1807, Пс. 45), «Благодарность» (1807, Пс. 137), «Умиление» (1807, Пс. 70), «Воцарение правды» (1809, Пс. 96), «Упование на защиту Божию» (1811, Пс.58), «Сострадание» (1813, Пс. 41). Источником поэтического вдохновения стали для Державина и некоторые иные тексты Писания.

Именно в творчестве Державина можно говорить уже о большем творческом переосмыслении псалмов, чем, например, у Ломоносова. Только

то, что во многих случаях поэт не дает прямой ссылки на источник, может подсказать этот вывод. К тому же, у Г.Р. Державина появляются названия его духовных стихотворений, к чему никогда не прибегал Ломоносов, который просто писал «псалом такой-то». Сумароков, как уже говорилось выше, вместо заглавия использовал, как правило, какую-либо строчку (или, что еще чаще, первые несколько слов) псалма. Дать название переложению библейского текста, название собственное и, разумеется, имеющее тот смысл, который вкладывал в него поэт, было довольно большой смелостью со стороны Державина. Названия и отсутствия ссылок на источники призваны были показать, что в произведение, которое ляжет в будущем перед читателями, вложены значительные усилия самого поэта, что это не просто перевод в стихи, а перевод интерпретированный, переосмысленный творчески.

Псалмов, переложенных точно по тексту, у Державина немного**.** Он начинает сразу с поэтического переосмысления псалма, с добавления своих художественных средств. Примером этому может служить переложение псалма 103 (у Державина эта духовная ода носит название «Величество Божие»). Можно провести сравнительный анализ этого парафраза с подобным переводом у Ломоносова, где, как мы уже говорили, также имеются художественные средства, отсутствующие в тексте оригинала.

Да хвалит дух мой и язык
Всесильного творца державу,
Великолепие и славу,
О боже мой, коль ты велик!
Одеян чудной красотой,
Зарей божественного света,
Ты звезды распростер без счета
Шатру подобно пред собой**.**

- так начинается переложение псалма 103, сделанное Ломоносовым. Начало переложения, выполненного Державиным, звучит так:

Благослови, душа моя,
Всесильного творца и Бога;
Коль он велик! коль мудрость многа
В твореньях, Господи, твоя!
Ты светом, славой, красотой
Как будто в ризу облачился
И, как шатром, ты осенился
Небес лазурной высотой.

Налицо сходство, и не просто сходство: псалом Державина буквально повторяет Ломоносовский, что и понятно, ведь оба автора старались по мере сил своих придерживаться оригинала. Они и написаны одинаковым размером: ямбом. Интересно то, что Державин, как и Ломоносов, пользуется сравнением: «шатру подобно» - «и, как шатром…». В то время как в тексте Псалтыри сказано: «*простираяй небо яко кожу*», т.е, дано совершенно иное сравнение. Это свидетельствует о явной преемственности Державиным Ломоносовской традиции. Но даже и здесь, в этих двух строфах, можно усмотреть различия двух переложений. Так, словам оригинала «*одеялся светом яко ризою*» у Ломоносова соответствуют две строки: «Одеян чудной красотой, зарей божественного света», - в то время как Державин придает своему переложению в этом месте характер перечисления: «Ты светом, славой, красотой как будто в ризу облачился…», находя собственные художественные средства для интерпретации текста Псалтири.

В каком-то отношении, если говорить о переложении псалма 103, версия Державина стоит даже ближе к тексту оригинала, нежели парафраз Ломоносова. Так, в ней отсутствуют подробности, которые Ломоносов счел нужным ввести в свое переложение:

Ты бездною ее облек,
Ты повелел водам парами
Всходить, сгущаяся над нами,
Где дождь рождается и снег.

У Державина:

Объяты бездной, как пленою,

Стоят в ней воды на горах.

В псалме: «*Бездна яко риза одеяние ея, на горах станут воды*». [103:5] Различия очевидны.

Кроме того, в оде «Величество Божие» задействовано переложение всего псалма, в то время как Ломоносов переложил 16 первых стихов. У Державина, например, имеются строчки:

Ты мелких птичек умудрил

Свои вить откровенно гнезды,

Эродий же свои под звезды

Чтобы на соснах возносил.

По высотам крутых холмов

Ты прядать научил еленей,

А зайцам средь кустов и теней

Ты дал защиту и покров.

У Ломоносова подобные строки отсутствуют, и в то время как его перевод уже завершается, Державин свой доводит до конца псалма. Однако эта особенность не отменяет переосмысления поэтом библейского текста:

И бледная луна тобой

Своею чередой сияет,

И лучезарно солнце знает

Во благовремя запад свой.

В Псалтири: «*Сотворил есть луну во времена, солнце позна запад свой».* Налицо принадлежащие переводчику эпитеты «лучезарный», «бледная». Подобных примеров можно привести множество.

От собственных художественных средств, употребляемых в переложениях, Державин переходит к собственному осмыслению псалмов и привнесений в них своих собственных впечатлений, мыслей, выражения своего мнения. Подобным примером может служить духовная ода «Радость о

правосудии», которая является, в сущности, переложением псалма 74. Но переложение это выполнено с присущим Державину поэтическим мастерством и, несмотря на то, что поэт в стихотворении не отступает от основного смысла, изменение формы псалма и употребление собственных художественных средств налицо.

Хвала всевышнему владыке!

Великость он явил свою:

Вельмож меня поставил в лике,

Да чудеса его пою.

В Псалтири: «*Исповемыся Тебе, Боже, Исповемыся Тебе, и призовем имя Твое; повем вся чудеса Твоя*» [74: 1]. Третья строка этого четверостишия или хотя бы то, что соответствует ей по смыслу, отсутствует в Псалтири. Это вставка, исходящая от самого поэта, его личных переживаний.

«В переложении 74-го Псалма, в оде «Радость о правосудии» Державин, вслед за псалмопевцем, утверждает Божию благую волю как единственное основание, на коем только и может покоиться праведность земных властителей. Мысль драгоценная для всех времён», - замечает М. М. Дунаев.

Но самым известным переложением Державина в этом отношении является «Властителям и судиям» (1780) - переложение псалма 81-го, принадлежащего, как указано в Псалтири, Асафу, известному певцу, поэту, прорицателю при Давиде.

Переложение довольно близко передает великолепный по содержательному лаконизму, силе и звучности оригинал (насколько можно судить о нем по славянскому и русскому переводам) и одновременно вносит дух державинской лирики, столь характерное для поэта единство величавой торжественности и разящей иронии.

Вот одно из сопоставлений:

Псалом Асафа: «*Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются»* [81: 9].

Державин:

Не внемлют! видят - и не знают!

Покрыты мздою очеса:

Злодейством землю потрясают,

Неправда зыблет небеса.

На первый взгляд, текст довольно близок к оригиналу. В действительности некоторые выражения в этом коротком отрывке заставляют задуматься над этой текстуальной близостью.

Например, в псалме сказано четко и ясно: «*Не знают, не разумеют, во тьме ходят».* Так откуда же взялось в переложении выражение «*Покрыты мздою очеса»*? А точнее – слово «мзда», то есть, взятка?

Возможно, поэт использовал это слово, по примеру Ломоносова, который, не изменяя смысла псалмов, насыщал их своими сравнениями и метафорами, в угоду мелодичности строк или сохранения размера? Однако в самом псалме употреблено слово «тьма», которое Державин вполне мог поместить и в своем парафразе, не опасаясь нарушить ритм. Получилось бы примерно так:

Не внемлют! Видят - и не знают!

Покрыты ***тьмою*** *очеса…*

Размер стихотворной строки соблюден. Более того, по всем канонам стихосложения использование слова «тьмою» здесь даже более предпочтительно, так как в нем меньше согласных звуков, и значит, строчка оказывается более легкой для чтения. Но Державин ставит свое «мздою», хотя слова этого нет в подлиннике. Возможно ли, чтобы великий поэт мог просто не заметить другого слова, стоявшего в оригинале?

Нет, разумеется. В стихотворении «Властителям и судиям» нет случайностей. Слово «мзда» не встречается в псалме, зато это слово было хорошо знакомым тогдашней действительности государства Российского. Общеизвестно, что мздоимство было бичом Руси в те времена. Таким образом, одно-единственное слово «мздою», которое встречается в самой

середине переложения (в четвертой строфе из семи) отсылает нас в российскую действительность 18 века.

Примером подобной отсылки может служить и предыдущая строка переложения: « Не внемлют! видят - и не знают!». В псалме эта строка звучит иначе: «*Не знают, не разумеют…»* - то есть, всего лишь не знают и не понимают. В интерпретации Державина строка звучит более жестко. У него эти слова – резки и обвинительны: не просто не знают и не понимают, а «видят – и не знают»! Вина власть имущих таким образом усиливается. И вновь – от этой строчки переложения, как и от последующей, про «мзду», пролегает тонкая ниточка связи с современностью Г.Р. Державина.

История восприятия стихотворения - убедительное подтверждение того, что эти почти незаметные отличия от текста не ускользнули от внимания цензуры. Из журнала «Санкт-Петербургский вестник» ода была вырезана по велению цензуры (1780); к печатанию в собрании сочинений поэта не была разрешена (1795), вызвала крайнее недовольство императрицы, испуг и злоречие придворных; Державину едва удалось доказать, что «царь Давид не был якобинцем».

Эти отступления от текста не были единственными в переложении. Вот, например, следующие строки псалма: «*Судите сиру и убогу, смирена и нища оправдайте»* - интерпретированы Державиным следующим образом:

Ваш долг есть: сохранять законы,

На лица сильных не взирать,

Без помощи, без обороны

Сирот и вдов не оставлять…

Можно заметить, что в псалме ничего не сказано о «лицах сильных». Таких примеров в переложении – множество, хотя в основном они как раз являются поэтическими находками Державина.

«Написанные для всех времён священные песнопения созвучны любому веку, как оказались они созвучны и эпохе царствования Екатерины:

столь обличительно точны оказались и державинские строфы, всего лишь по-новому выразившие вечные истины», - таков вердикт М. М. Дунаева.

Если обратиться к вневременному смыслу оды, то можно обнаружить, что автор переложения не просто обличает неправедных, но вообще отвергает земную власть как жизненную ценность: ибо она есть *сокровище на земле* - не более. И вор, который крадет это сокровище, - смерть:

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Не забудем, что и сам Державин принадлежал не к последним из подданных империи, был и «властителем» и «судией» в своих занятиях государственными административными делами.

В том же 1780 году Державин переложил и другой псалом, 127-й, в стихотворении «Счастливое семейство», которое по своему содержанию представляет одновременно антитезу и продолжение «Властителям и судиям». Сопоставление этих двух стихотворений позволит расширить представление как о псалмах, так и об их переложениях и судить о многогранности творчества Г.Р. Державина.

Блажен, кто Господа боится
И по путям его идет!
Своим достатком насладится
И в благоденстве поживет.
В дому его нет ссор, разврата;
Но мир, покой и тишина:
Как маслина плодом богата

Красой и нравами жена,

- начинается этот парафраз. Сравним его текст с текстом Псалтыри: *«Блаженны вси боящиися Господа, ходящии в путех его. Труды плодов твоих снеси: блажен еси, и добро тебе будет. Жена твоя, яко лоза, плодовита в странах дому твоего…»* [127: 1]. Различия, в общем, незначительны, и обусловлены больше стихотворной формой, чем переосмыслением самого текста. Далее можно наблюдать то же самое: поэтическую интерпретацию формы текста Псалтыри без изменения содержания, за исключением последних строчек:

Кто не вредит и не обидит
И злом не воздает за зло:
Сыны сынов своих увидит
И в жизни всякое добро.
Мир в жизни сей и мир в дни оны,
В обители избранных душ,
Тебе, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый муж!

В оригинале: «*Се так благословится человек бояйся Господа. Благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима вся дни живота твоего, и узриши сыны сынов твоих. Мир на Израиля*» [127: 6]. Здесь мы видим явное отступление от текста Псалтыри, однако вызвано оно необходимостью придать псалму не частное значение обращения к представителям еврейского народа (а упоминания Сиона, Иерусалима, Израиля не могут не навести на такую мысль), а значение некого общего звучания, так чтобы псалом был понятен и близок и русскому человеку, русскому читателю. К тому же, повторимся, построчные переложения псалмов, характерные для Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, с соблюдением выражений из оригинала, без творческого переосмысления у Г. Р. Державина редки.

Интересно здесь другое. Краткая фраза из Псалтыри «*Се так благословится человек бояйся Господа*» у Державина оборачивается двумя строчками его переложения:

Тебе, чувствительный, незлобный,

Благочестивый, добрый муж!

То есть, поэт не удовлетворяется таким определением идеального человека как «боящийся Господа» - это и так вытекает из первых строчек псалма:

Блажен, кто Господа боится

И по путям его идет!

Поэт развивает образ: для того, чтобы быть благословленным Богом, нужно быть еще: чувствительным, незлобным, благочестивым и добрым. Здесь явно уже не просто поэтическое переосмысление псалма или отход от текста ради ритма и рифмы – Державин начинает выражать собственные мысли об идеальном образе христианина и вообще человека.

Настроением своим эта духовная ода, бесспорно, противоречит грозному, обличающему звучанию оды «Властителям и судиям». Если там лирический герой предстает грозным пророком, который не страшится гнева «богов земных» и призывает кару Господа на власть имущих, то здесь он – просто учитель, произносящий мирную проповедь, показывающий, каким должен быть идеал верующего человека и обещающий благочестивым людям вечное блаженство.

В этом несходство двух переложений. И все же в каком-то смысле «Счастливое семейство» дополняет «Властителям и судиям». После обличения пороков поэт обращается к идеалам добродетели. Оба переложения написаны четырехстопным ямбом – но при этом спокойный и ровный стих «Счастливого семейства» разительно отличается от страстного, со множеством восклицаний переложения псалма 81.

Необходимо также добавить, что «Счастливое семейство» имеет не только общее, отвлеченное значение показа идеала верующего человека. Как

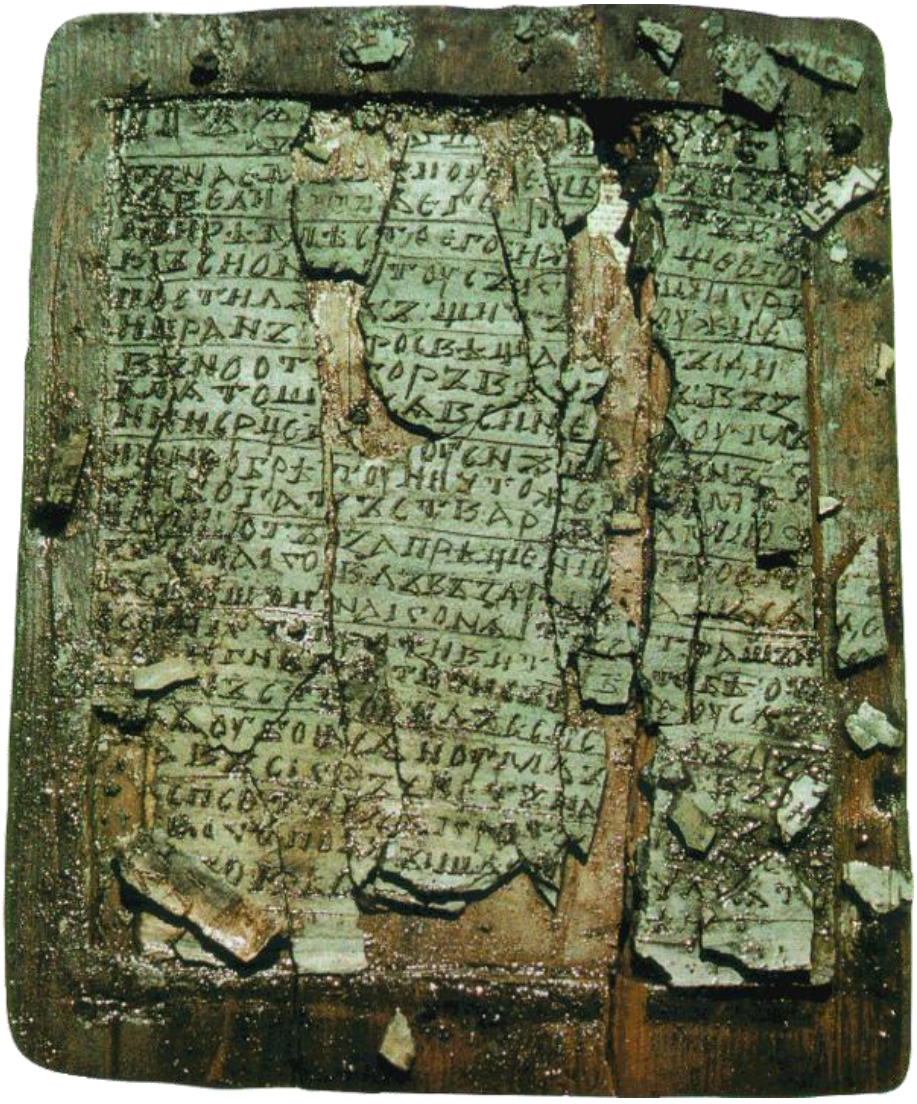
известно, стихотворение это было обращено к А.А. Ржевскому. В каком-то смысле этим тоже объясняются отличия перевода от текста Псалтыри. Ясно, что и для адресата, и для автора это переложение было наполнено не только морально-религиозным смыслом, но и вполне житейскими параллелями и иносказаниями. И счастливая семейная жизнь Ржевского с красавицей женой, и его многочисленные сыновья - все это стояло за стихами. Вместе с тем главное в стихотворении, сохраняющем все мотивы псалма, - те нравственные принципы, которые всегда будут близки поэту, к которым Державин будет вновь и вновь возвращаться в своем дальнейшем творчестве.

Можно сказать, что Г.Р. Державин воспринял традиции переложений псалма от М.В.Ломоносова, В.К.Тредиаковского, А.П.Сумарокова, продолжил их: от поэтического осмысления псалмов и творческой переработки их формы путем добавления в переложения собственных художественных средств, и далее – до вложения в псалмы собственных переживаний, до отступлений не только от формы, но и от содержания. Стихотворения Державина наследуют и развивают ломоносовскую поэтическую традицию, прежде всего - идущий от Библии, от Псалтири пафос справедливости и милосердия, неутолимую жажду познания, раздумья о сущности бытия, о месте человека в мире, о его отношении к Творцу.

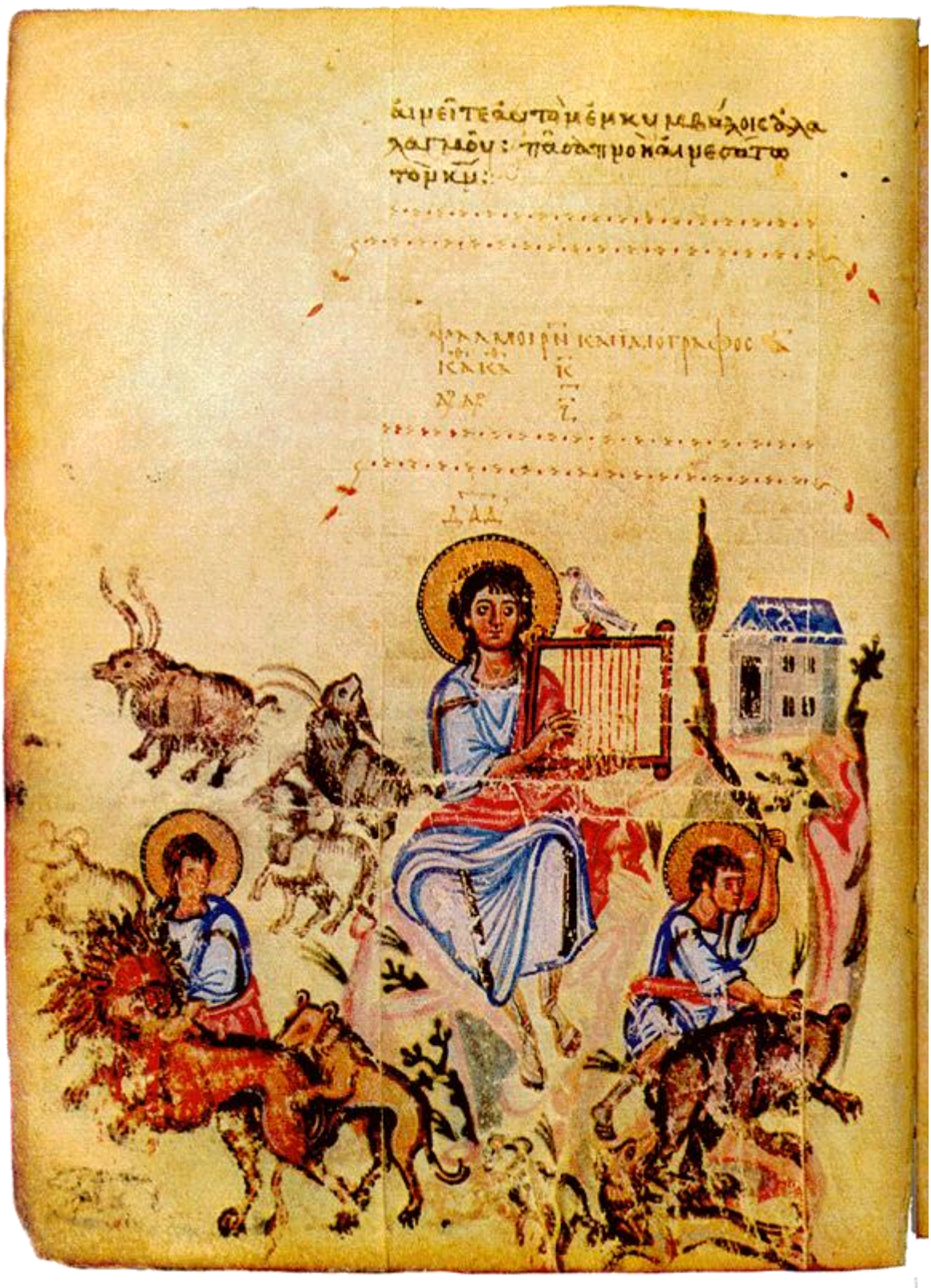
Несомненно, такой жанр, как переложения псалмов, сыграл важную роль в творчестве Г.Р. Державина и явился своеобразным «мостиком» к библейским темам, которые он будет поднимать потом в своих произведениях – таких, как ода «Бог», «Христос».

То же самое можно сказать о творчестве М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, как, впрочем, и других поэтов этого периода. Поэтические переложения псалмов были для них своеобразной «тренировкой» их талантов, источником вдохновения, от которого лежал путь к их собственным произведениям, наполненным библейскими образами, темами, мотивами.

Таким образом, не прерывая традиции стихотворного переложения псалмов, Державин, который наделяет к тому же свои переложения собственными названиями, наполнял свои стихотворения новозаветными настроениями, ощущениями, предчувствиями, которые оказывались более созвучными сентиментальным и романтическим устремлениям русской поэзии XIX века.



Новгородская Псалтирь. Конец X — начало XI вв.



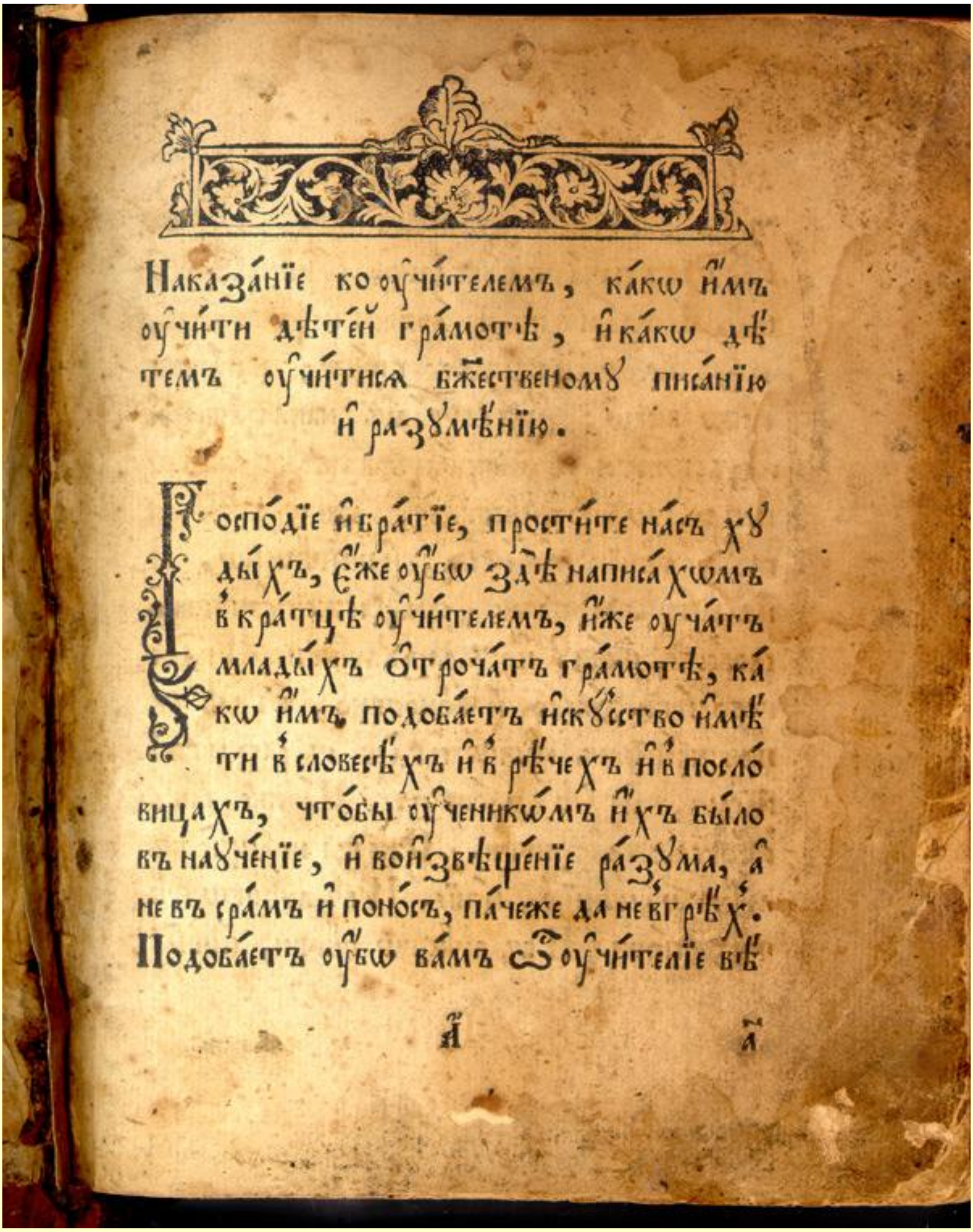
Пророк Давид в юности был простым пастухом. На миниатюре из греческой «Хлудовской» Псалтири, IX век: Давид пасет овец, играет на псалтири, защищает стада от льва и медведя.

«Давид царь составляет Псалтирь». Миниатюра из Псалтири XIII в.

«…от запрещения Твоего, Боже Иаковль, воздремаша ся вседшие на коня…» (7-й стих)

«…въскръснутъ (т.е. воскреснуть) на суд [Богу], спасти вс[ех] кротк[их земли]…» (10-й стих)

Древнейший памятник нашей письменности: древнерусская тетрадь с текстом «первого русского учебника» (Найдены в Великом Новгороде 13 июля 2000 года)

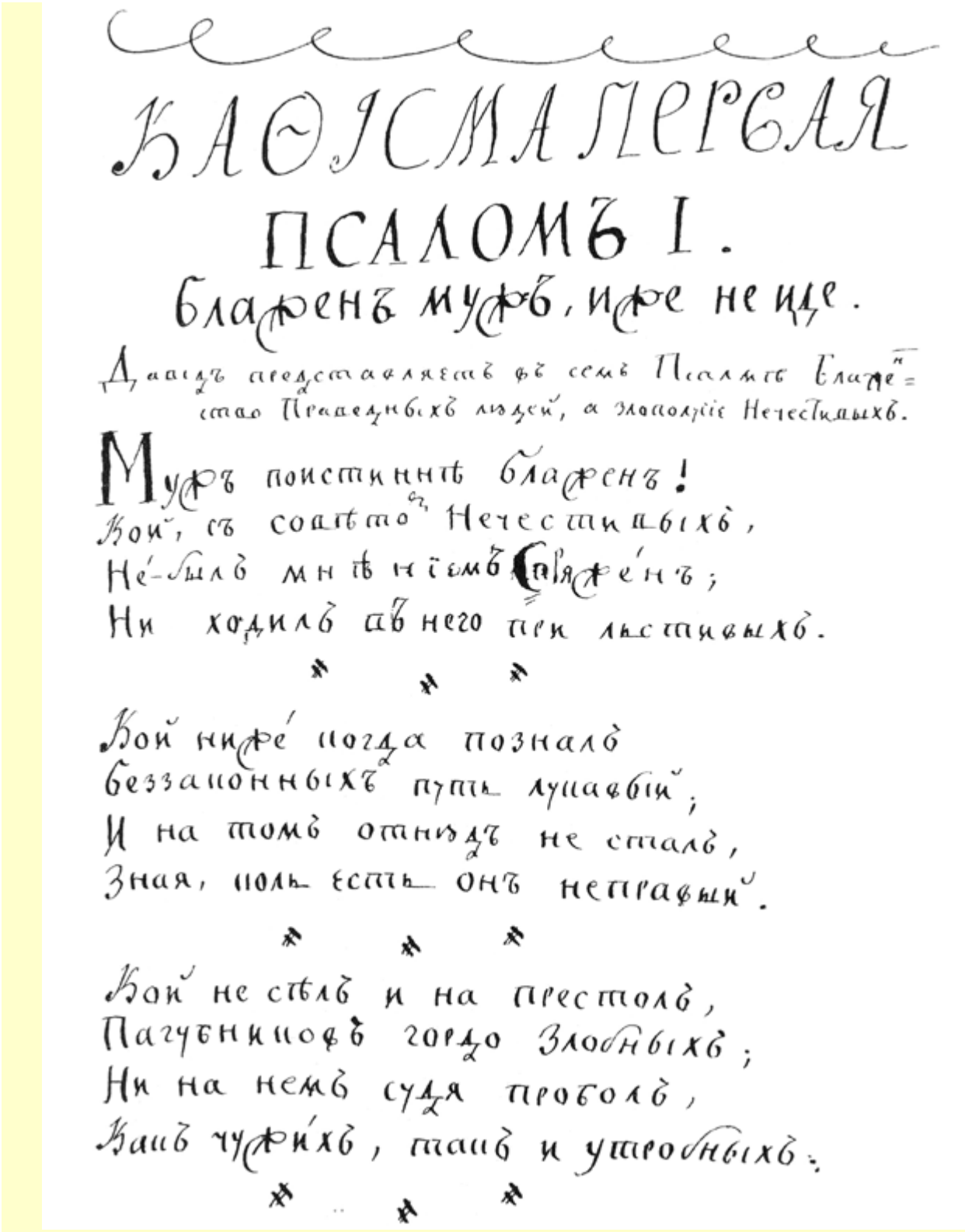


Наказа́нїе ко оу҆чи́телемъ, ка́кѡ и҆́мъ оу҆чи́ти дѣте́й гра́мотѣ, и҆ ка́кѡ дѣ́темъ оу҆чи́тисѧ бж҃ественомꙋ писа́нїю и҆ разꙋмѣ́нїю.

Господі́е и҆ бра́тїе, прости́те на́съ хꙋ́дыхъ, є҆́же оу҆бѡ здѣ̀ написа́хѡмъ вкра́тцѣ оу҆чи́телемъ, и҆́же оу҆ча́тъ млады́хъ ѻ҆троча́тъ гра́мотѣ, ка́кѡ и҆́мъ подоба́етъ и҆скꙋ́ство и҆мѣ́ти в словесѣ́хъ и҆ в рѣ́чехъ и҆ в посло́вицахъ, чтобы оу҆ченикѡ́мъ и҆́хъ было въ наꙋче́нїе, и҆ воизвѣще́нїе ра́зꙋма, а҆ не въ сра́мъ и҆ поно́съ, па́чеже да не вгрѣ́хъ. Подоба́етъ оу҆бѡ ва́мъ ѿ оу҆чи́телїе вѣ

а҃ а҃

Первый лист «Учительной Псалтири». XVI в. «Наказание ко учителем, како им учити детей грамоте, и како детем учитися Божественному Писанию и разумению»



КНИГА ПЕРВАЯ

ПСАЛОМЪ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде.

Давидъ представляетъ въ семъ Псалмѣ блаженство Праведныхъ людей, а злополучіе Нечестивыхъ.

Мужъ поистинѣ блаженъ!
Кой, съ совѣта Нечестивыхъ,
Не-шелъ мнѣ нѣмъ съ ляженъ;
Ни ходилъ въ него пре лестивыхъ.

* * *

Кой ниже́ когда позналъ
Беззаконныхъ путь лукавый;
И на томъ отнюдъ не сталъ,
Зная, коль есть онъ неправый.

* * *

Кой не сѣлъ и на престолъ,
Пагубниковъ горде Злобныхъ;
Ни на немъ судя проболъ,
Къ чужихъ, такъ и утробныхъ.

* * *

Автограф В.К. Тредиаковского. Страница из его рукописи «Переложение псалмов»

Реформатор русского стиха, автор классической системы русского стихосложения В.К. Тредиаковский (первая половина XVIII в.) переложил Псалтирь полностью и с дополнительными текстами — в том виде, в каком она используется на Богослужении.

Царь и пророк Давид. Миниатюра из Псалтири XVI в.

На миниатюре: пророк Давид записывает слова первого псалма «Блажен муж (в церковнославянском — мужчина, человек), иже не иде на совет нечестивых».

Хлудовская Псалтирь. Миниатюра к Пс. 41

Киевская Псалтирь. Миниатюра к Пс. 41

Сравнение человеческой души, жаждущей Бога, с оленем, ищущим источник воды — излюбленный образ средневекового искусства. И восходит он к словам Псалтири: «Как стремится олень на источники оные, так стремится душа моя к Тебе, Боже» (Пс. 41, стих 1).